

Порри Гаттер

Андрей
Жвалевский

Игорь
Мытько

9 Подвигов Сена Несли

Андрей Валентинович Жвалевский
Игорь Евгеньевич Мытько
9 подвигов Сена Аесли
Серия «Порри Гаттер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120381

*Жвалевский А. В., Мытько И. Е. Порри Гаттер. Всё!: Время; Москва;
2011*

ISBN 978-5-9691-0936-0

Аннотация

«Сколько я читаю Жвалевского А. и Мытько И., столько они меня ставят в «тупик». Никак не удастся предугадать, что ждет тебя в новой книге. Мало того, неизвестно, что будет на следующей странице. Буквы, слова и словосочетания Андрей Валентинович и Игорь Евгеньевич выстраивают в таком замысловатом порядке, что чтение всех этих взгромождений символов подымает настроение и обогащает читателя. Итог. В первой книге трилогии авторы всласть посмеялись над бедной (прошу извинения за каламбурчик) госпожой. Во второй прошлись по обществу в целом. В третьей – по обществу в частях и особенно хорошо по самим себе (или авторской братии в целом)» («Архивы Кубикуса»).

«Этот соавторский проект – пародия на Гарри Поттера, выполненная с блеском. Щедрость авторов на юмор, достигающий изощренности интеллектуального стеба, – некоммерческая, на грани с чистым искусством – заставляет жалеть, что их литературный дар (интересно, он у них один на двоих?) тратится на столь легкомысленные вещи...» («Знамя»)

Содержание

Про лог и про кое-что еще	6
Приступ[2]	13
Фиолетовая комната	16
Салатовая комната	24
Желтая комната	32
Пятнисто-зеленая комната	40
Черная комната	46
Подвиг № 1	56
...Коридор	57
Столовая	62
Спортплощадка	65
Опять столовая	67
Крыша Главного корпуса	71
Снова столовая	74
Кухня	79
Крыша	85
Кухня	86
Крыша	87
Кухня. Вернее то, во что она превратилась	91
Еще раз коридор	95
Крыша	97
Салатовая комната	98
...Кухня	99

Столовая	101
Кухня, на которой никак не наведут порядок	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Андрей Жвалевский, Игорь Мытько

9 Подвигов Сена Аесли

Эпохальные хроники или Хронический эпос

*Беру в руки только что отпечатанную книгу.
Вдыхаю запах типографской краски и думаю: найду
ли здесь нечто новое, увлекательное, неожиданное –
или эта книга ничем не отличается от всех прочих
в этом тираже?
Главный технолог типографии «Уральский рабочий»*

Про лог и про кое-что еще

*Скажи мне, кто твой отец, и я скажу, чей ты
сын.
Из пособия по уходу за генеалогическими деревьями*

Задолго до многих памятных событий.

До того, как Сен Аесли предотвратил свой первый глобальный вооруженный конфликт.

До того, как Мергиона Пейджер разгадала свой первый

ребус японского бога.

До того, как Порри Гаттер собрал из отцовских часов своего первого летающего скорпиона.

Давным-давно.

Много лет назад.

В прошлом веке.

Было 1 июня 1995 года. Серое британское утро неспешно переходило в серый британский день. Про такие дни обычно говорят: «ничто не предвещало». В данном случае это неверно – у магов всегда что-нибудь предвещает. Вот и сейчас потрепанный Рупор Судьбы на стене кухни в доме Аесли устало предвещал опасности, подстерегающие этим вечером Козерогов при нырянии в водоемы с неисследованным дном. Всем остальным знакам Рупор сулил незабываемые впечатления, для получения которых достаточно этим вечером оказаться вблизи водоемов с неисследованным дном.

Маленький Сен Аесли сидел за обеденным столом и увлеченно кидался манной кашей. Белые молочные плюхи одна за другой художественно выстраивались на потолке, образуя улучшенную модель Солнечной системы – большинство планет находилось не на своих местах, зато их было очень много.

Плюх! Плюх! Плюх!

Для катапультирования завтрака Сен использовал сразу шесть ложек, которые роились над тарелкой, как большие серебряные осы, и по очереди ныряли вниз.

Плюх! Плюх!

Грег и Минерва Аесли смотрели на сына.

Плюх!

– Может быть, сегодня не будем строги, – сказала Минерва. – Все-таки у Сена День Рождения.

Плюх!

– День Рождения – это подарки, – сказал Грег, – это торт со свечками. Это гости. Это познавательные игры. Это извлечение от избытков энергии путем радостного барахтанья на старинном ковре. И, наконец, главная радость – уход гостей. Все это сегодня будет, и все это *логично*. Но почему в День Рождения допустимо кулинарное хулиганство? Я не вижу здесь *логики*. А ты, Сен?

Плюх!

– *Сен*?!

Ложки повисли в воздухе. Рупор Судьбы смолк, не завершив интересную мысль о недопустимости махинаций с Ве-сами.

– Объясни, пожалуйста, Сен, что ты делаешь. И, главное, зачем ты это делаешь?

– Не знаю, – сказал Сен. Ложки плюхнулись в тарелку, вызвав небольшое кашетрясение.

– Надо знать. Ты уже большой. Тебе не два года, не три и не три с половиной. И в твоих действиях должна быть логи-ка.

– Ло-ги?.. – повторил Сен. – Ло-га?

– Логика означает, что ты должен знать, что делаешь и зачем делаешь, – логика всегда была сильным местом Грегa Аесли, недавно назначенного директором Департамента Затуманивания¹. – У твоих действий должна быть веская причина, разумное объяснение. У заляпывания манной кашей потолка нет разумных объяснений. Это *нелогично*. А логично – есть манную кашу. Зачем? Чтобы поддержать силы растущего организма.

Сен взял ложку, ткнул в манную кашу, сунул в рот. Посмотрел на родителей.

Грег улыбнулся. Минерва вздохнула.

– Кха-кха, – сказал Рупор Судьбы. – Так я продолжу. У Близнецов сегодня произойдет событие, которое изменит всю их жизнь... – Рупор покосился на Сена. – Давайте про Рыб. На безрыбье им лучше не попадаться Раку...

Весь День Рождения Сен добросовестно исполнял обязанности именинника. Он радовался гостям (чтобы они остались довольны), говорил «спасибо» за подарки (чтобы в следующий раз принесли новые), играл с детьми гостей (чтобы в увлекательной форме развиваться и познавать мир). Только один раз он замешкался. Когда гости начали требовать задуть четыре свечи на торте, Сен поднял глаза на отца:

¹ Основной деятельностью Департамента Затуманивания являлось затуманивание всего, что можно затуманить, в том числе собственной деятельности. Это занятие требовало недюжинных логических способностей. Так, предыдущий директор департамента, используя исключительно логические построения, неопровержимо доказал, что он не существует. На чем и прокололся.

– Лога?

Грег Аесли кивнул. Сен четыре раза дунул.

А ночью к нему пришли логи. Гладкие, круглые и серьезные, они уселись на спинке кровати и уставились на Сена.

– Так, – сказала самая большая лога. – Надеюсь, ты знаешь, что сейчас делаешь?

Сен высунул нос из-под одеяла:

– Я... ле... лежу...

– Допустим, – качнулась Лога. – А ты знаешь, зачем ты лежишь?

– Чтобы... чтобы спал... сплю... спать!

– Логично, – сказала Лога и вдруг, как паук, полезла вверх по невидимой нити. – Надеюсь, ты нас...

Главная Лога исчезла в потолке.

– ...не разочаруешь! – отчеканили остальные логи, спрыгнули со спинки кровати и ушли в пол.

Больше Сен Аесли никогда не кидался манной кашей.

А еще он больше никогда не ломал игрушек, не дрался подушками, не бегал с бессмысленными воплями по двору, не прыгал с раскрытым зонтиком со шкафа на диван. И вообще, он больше никогда не делал ничего, что могло разочаровать лог. Все его действия имели если не вескую причину, то хотя бы разумное объяснение.

Если крошка Сен не мог разобраться, что логично, а что нет, он приходил к отцу и спрашивал. Когда он немного подрос, то перестал спрашивать и начал *консультироваться*.

– Папа, – говорил он, – ты сказал, я должен делать «умозаключения». Но я не знаю, что это.

И Аесли-старший, который никогда не отказывал сыну в обоснованной просьбе, откладывал газету с интересной статьей о промышленной добыче философского камня.

– Если чего-то не знаешь, лучше не спрашивать, а понять самостоятельно. Попробуй рассуждать логично, как я тебя учил.

– «Умозаключение», – отвечал Сен, старательно морща лоб (этому он научился на прошлом занятии), – образовано от слов «ум» и «заключение». Это, наверное, ум, который посадили в тюрьму?

– Логично, – улыбался папа, – и почти правильно. Когда ты делаешь умозаключение, то, наоборот, заключаешь мысли в свой ум.

– Как в тюрьму?

Папа морщил лоб и говорил:

– Скорее, как в казарму. Теперь понимаешь?

Сен кивал, а про себя думал:

«Казарма не подходит. Если "заключение" – значит тюрьма. Это логично».

Постепенно Аесли-младший научился делать умозаключения четко и аккуратно. При появлении новой мысли он внимательно осматривал ее со всех сторон, находил в ней логику и только после этого впускал в свой ум. Если логики не было видно, а мысль начинала буяннить и скандалить,

Сен прогонял ее прочь и начинал осматривать следующую мысль.

Грег Аесли сыном гордился. Минерва Аесли тоже гордилась, только иногда непонятно почему (нелогично!) вздыхала.

Строгие логи больше не приходили, и Сен Аесли о них забыл.

Точнее, думал, что забыл.

Приступ²

Пять комнат

Вешая в первом акте ружье на стену, будьте аккуратны и внимательны. Иначе первый акт может стать последним.

Из должностной инструкции работника сцены

*Открылась бездна звезд полна
звездам числа нет бездне дна.
Скороговорка*

Посмотрим на все со стороны.

Это планета Земля. Ой. Извините.

Вот это – планета Земля³.

Это ее Северное полушарие. С северной стороны, где обычно растет мох.

Это Европа. Правда, хорошенькая?

Это Британские острова.

На острова бесшумно накатывается темнота, выталкивая старый день 30 апреля 2003 года в Атлантику и дальше – к бывшей британской колонии. За темнотой по сопкам Маньчжурии и отрогам Станового хребта крадется новый день 1

² Имеется в виду не приступ тяжелой болезни, а приступ, которым герои брали стены вражеской крепости, чтобы затем спокойно приступить к подвигам.

³ А то была Луна.

мая. Обычно новые дни не крадутся, а нахально вламываются, но в данном случае осторожность не помешает. Потому что темнота эта – Вальпургиева ночь.

Включите магическое зрение⁴. Видите в небе что-то странное, похожее на окно? Это дверь. Проход между мирами. Два раз в год, в канун 1 мая и в канун 1 ноября, на Хэллоуин, эта дверь приоткрывается. Выключите магическое зрение. Слышите потусторонний скрип?⁵ Вот.

В приоткрывшуюся щель между мирами проскальзывает Нечто. Оно озирается, крутит длинным носом (хоботом? рогом? чем-то?), возмущенно чихает и проскальзывает обратно. И правильно, Нечему здесь делать нечего.

Щель между мирами, впрочем, остается приоткрытой.

По мнению людей, через открывающиеся щели в границах миров к нам пробирается нечистая сила. С точки зрения магов, это бессмыслица – вся нечистая сила уже тут.

Что же тогда таится за дверью между мирами? – задумываются иногда самые искушенные волшебники, потом трясут головой⁶ и возвращаются к своим обычным чудесным делам.

⁴ Если у вас не включается магическое зрение, пойдите в магическую «Оптику» и за магические деньги купите магические очки. Видите, как все просто.

⁵ Если не слышите – обратитесь к магическому отоларингологу.

⁶ Как правило, своей.

Спустимся пониже и присмотримся. Вон там, примерно между Англией и Шотландией, что вы видите? Пустое место? Включите магическое зрение.

Ах!

Да, именно «Ах!» А может даже «Ого!»

В заболоченной низине гордо высится Школа волшебства Первертс. Грозные башни, каменные стены, огромные залы, загадочные лестницы, таинственные коридоры, диковинные пожарные щиты, чарующие стенгазеты и волшебные расписания дня. Здесь юных магов обучают или, правильной сказать, превращают во взрослых магов. Кто такие, маги и чем они отличаются от обычных людей, то бишь мудлов⁷? О, это хороший вопрос. Очень хороший вопрос. Очень важный и своевременный вопрос. Да. Давайте вернемся к нему позже.

А вот о сходстве можно сказать сразу. Маги, точно так же, как обычные люди, едят и спят. Вот и сейчас все ученики, учителя и обслуживающий персонал школы магии спят.

Точнее, почти все.

В башнях замка светятся пять разноцветных окон. Заглянем?

⁷ Помимо распространенных толкований понятия «мудл» существуют и нераспространенные. Например, что слово «мудл» произошло от слова «мудрость». Это толкование не стало распространенным только потому, что у нас слишком мало косноязычных филологов.

Фиолетовая комната

Все комнаты Школы волшебства по странной традиции имели номера. Но вот беда – под воздействием магических отходов числа начинали вести самостоятельную жизнь: меняться дверями, самовольно складываться и скидываться, ходить друг к другу в гости, пить пиво, сбиваться в многочисленные банды и нападать на библиотечные буквы. Возвращались дверные цифры на место только на время министерских проверок⁸.

Другое дело – цвета, отличавшиеся благородством, степенностью, хорошими манерами... Если честно, цветам просто лень так суетиться. Поэтому комнаты Первертса различались еще и по цветам, которых, как известно, 256 даже на старом 14-дюймовом мониторе. Естественно, комната, в которой расположился профессор Мордевольт, была фиолетовой⁹.

По внешнему (то есть внутреннему) виду помещения сразу становилось понятно, что его хозяину все фиолетово. Под горой схем, графиков, механических устройств непонятного назначения и действующих моделей неизвестно чего смутно

⁸ И горе той цифре, которая не успеет вернуться на место. Так, например, навсегда исключили из нашей системы счисления цифру †.

⁹ Как известно, лучший способ протащить какую-нибудь сомнительную идею – начать ее со слов «естественно», «очевидно» или «как известно».

угадывалась кровать. На шкафу под светом ультрафиолетовой лампы загорала австралийская помощница Мордевольта – электрическая свинья Хрюква. По краю стола, побрызгивая фиолетовыми электрическими искрами, прогуливалась еще одна помощница профессора – Черная Рука.

Единственное инородное тело в этом фиолетовом царстве стояло у окна и переливалось всеми цветами радуги. Принадлежало тело (и голова, разумеется) Югорусу Лужжу, который недавно вступил в должность ректора школы. Чтобы в нее вступить, ему пришлось выступить из предыдущей должности – декана факультета Слезайблинн. И теперь он как раз общался со своим преемником.

– Коллега, – произнес Лужж, – а не многовато ли в нашем учебном плане мудл... неколдовских предметов?

Коллега, профессор Уинстон Мордевольт, тут же схватил калькулятор. Звонкая фамилия, стойкий австралийский загар и выдающийся нос выдавали в Мордевольте классического отрицательного героя. Собственно, до недавнего времени он и был отрицательным героем. И вот, докатились – бывшему Врагу Волшебников доверили воспитывать юных волшебников. Как это вышло? Долго рассказывать¹⁰.

– Итого, – барабанил тонкими пальцами по кнопкам экс-В.В., – на каждого учащегося приходится всего по 93 часа

¹⁰ Авторам понадобились целых две книжки, чтобы рассказать, как В.В. (сокращенно от В.В.П. – Враг Волшебников, Понимаешь) доказал, что не такой уж он и В.

занятий на мудловскую тематику в неделю. При пятидневной учебной неделе получается ровно 18,6 ученико-часов в сутки. Целых 5,4 часа на колдовские предметы...

— ...сон, еду и самоподготовку, — завершил Лужж. — И личное время.

— Личное время? — нахмурился Уинстон.

— Ну письмо маме написать, в Мерлинской комнате посидеть... — ректор замялся, — зубы почистить чем-нибудь...

Мордевольт кивнул и принялся вколачивать в калькулятор ректорские поправки.

«Как же мне ненавязчиво перевести разговор на Трубу?» — с тоской подумал Югорус и, чтобы не нарушать цветовую гамму комнаты, замерцал сиреневым.

Труба Мордевольта, изобретенная Мордевольтом, была хитроумным механическо-магическим прибором, который мог лишать волшебников колдовских свойств. При этом отобранная магия не пропадала, а доставалась волшебнику, в руках которого находилась Труба. Если же Труба срабатывала в присутствии мудла, то вся магия волшебника переходила к мудлу.

В ходе Новогодней Битвы Порри Гаттера с домовыми Лужж смог отбить Трубу Мордевольта у ложного ректора Бубльгума¹¹. С ее помощью Югорус собирался сделать мага-

¹¹ Вот как у колдунов все запутанно: с домовыми дрался Порри, а Трубу отнял Лужж. Причем не у Мордевольта, а у Бубльгума. А еще там были... Впрочем, перечитайте лучше книгу «Порри Гаттер и Каменный Философ», там весь этот бред описан подробно.

ми всех людей, что было розовой, голубой, а также оранжевой в зеленую полосочку мечтой профессора.

Всю зиму Лужж изучал Трубу, пытаясь понять, как бы ее так перестроить, чтобы Труба не передавала магию без остатка, а делила ее поровну. По-честному. Изучение заключалось в старательном разглядывании замысловатого механизма. Из осторожности Югорус проделывал это только в своем тайном чулане в дальнем Астрале.

Возвращение в Первертс реабилитированного Мордевольта подарило Лужжу надежду. Иначе стал бы он 30 апреля, за четыре месяца до следующего учебного года, приходить к этому фанатику прогресса с вопросом об учебных планах?! Ради того, чтобы уговорить Мордевольта, фанатик магии Лужж даже общался без помощи любимых громкоговорящих птиц.

Но поскольку интриганом ректор был посредственным, задача деликатно вывести Мордевольта на беседу о злосчастной Трубе, похоже, не имела решения.

– Задача решена! – Мордевольт вскинул калькулятор вверх.

«Труба, – сказал себе Югорус, – помни о Трубе».

– При введении пятнадцатисполовинойдневной учебной недели нагрузка снижается до вполне приемлемых шести часов в сутки!

– Сколькидневной?

– Пятнадцатисполовинойдневной, – повторил профес-

сор-изобретатель, – то есть в неделю должно быть пятнадцать с половиной дней!

«Ишь как его разобрало, – подумал ректор, глядя на счастливое лицо Мордевольта. – Может, сейчас?»

– В принципе, – осторожно начал он, – колдовские науки можно поджаты. Да и самоподготовку тоже... Если, скажем, применить... ну, к примеру... только что пришло в голову...

Мордевольт, Хрюква и Черная Рука слушали внимательно. Лужж взбодрился. Похоже, звезды повернулись к нему лицом, и если не вмешается какая-нибудь враждебная сила...

– ...применить эту вашу Тру...

– Уинстон! А я иду мимо, смотрю – у вас кто-то есть. Дай, думаю, загляну... на фиолетовый огонек.

Сегодня враждебная сила облачилась в золотистый ночной халат такой малой длины, что ее следовало называть не длиной, а короткостью. Хрюква присвистнула. Черная Рука подняла большой палец.

Профессора быстро уткнулись в учебный план, стараясь не смотреть на декана факультета Орлодерр мисс Сьюзан Мак-Канарейкл.

Нельзя сказать, что это была хорошая идея.

В те вечера, когда деканша решала быть убийственно красивой, всякий мужчина старше 18 лет, не отметившийся тонким комплиментом или хотя бы влюбленным взглядом, очень и очень рисковал. В лихие молодые годы мисс Сьюзан,

пришедшиеся на Средние века, за ней неотступно следовали толпы дубин бесчувственных, истуканов недоделанных и пней с ушами, пялившихся на красавицу в тайной надежде, что она сжалится и превратит их обратно.

Вот и сейчас глаза Сью сияли, щеки розовели, кожа благоухала, ресницы порхали, – в общем, все было чрезвычайно серьезно. Серьезность намерений Сюзан МакКанарейкл подтверждала изящная алхимическая завивка¹².

Пауза из неловкой начала превращаться в опасную. Мордевольт приподнял ближайшую к Лужжу бровь. Ректор вздохнул и оторвал взгляд от стола.

– Мисс Сью, – сказал он, мужественно глядя на верхнюю пуговицу золотистого халата, – а вы знаете, вы сегодня необыкновенно... э-э-э... обворожительны и... э-э-э... очаровательны и... э-э-э... о...

– Одурительны, – подсказала мисс Сью.

– Да, и это тоже, – согласился Лужж и толкнул в бок Мордевольта.

Уинстон Мордевольт уже взял себя в руки. Он спокойно оглядел декана Орлодерра и вежливо улыбнулся.

– Неплохо, Сюзан.

И уставился в калькулятор.

Лицо МакКанарейкл потемнело, глаза сузились, ресницы ошетинились. Хрюква начала втискиваться в щель между

¹² От обычной химической завивки у ее обладательницы волосы встают дыбом. От алхимической завивки волосы дыбом встают у окружающих.

шкафом и стеной. Югорус Лужж подтянул к себе волшебную палочку. Черная Рука жестом выразила полную готовность обратиться в бегство.

– Мисс Сью, вот вы где! – раздался звонкий рыжий голос. – А я вас по всей школе ищу, и по всему факультету... и по всей вашей комнате... А у вас что здесь, совещание?

– Методический совет, – сказал Лужж, мысленно благодаря наглую девчонку Мергиону Пейджер. С тех пор как Мерги перестала быть колдуньей, она спасла мир, дракона Игу, главный магический артефакт Две Чаши (он же верблюд Рыжик), а теперь вот – ректора Первертса и декана Слезайблинна.

– Тогда я на минуточку, – сказала наглая девчонка. – Мисс Сью, у меня лак кончился, так может у вас...

МакКанарейкл свирепо топнула.

– Пейджер! Ты что тут делаешь, а ну марш в постель! Или ты решила пропустить Первомай?!

Хлопнула дверь. Это Мергиона Пейджер благоразумно переместилась в направлении собственной спальни.

Из стены вывалилась пара кирпичей. Это Сюзан МакКанарейкл демонстративно покинула общество недоделанных истуканов.

Со шкафа хрюкнули. Это Хрюква и Черная Рука выразили отношение к поведению В.В.: Рука покрутила указательным пальцем у виска электрической свиньи, а Хрюква сделала на хозяина выразительные глаза.

– Плохо дело, – сказал погрузневший Мордевольт.

– Можно даже сказать, что дело труба, – поддержал его Лужж, – кстати, о трубах...

В щели между мирами свистнуло, и в небе над Первертсом появилось еще одно Нечто. В отличие от предыдущего, это Нечто рогами или носами не обладало, а скорее напоминало тень каракатицы. Тень повисла над замком и принялась вслушиваться. Через храп и сопение спящих магов начинало тонко звенеть эхо звуков ближайшего будущего.

Через некоторое время на том, что можно было с натяжкой назвать лицом, расплылось то, что в темноте можно было принять за улыбку.

Салатовая комната

Спальня Мергионы представляла собой смесь обычной девчоночьей комнаты и тренировочного зала дзюдоиста-профессионала. Соседка Мергионы, Амели Пулен¹³, ничего против не имела и каждый день с восторгом наблюдала, как ее подруга делает стойку на косичках или подтягивается на своем верном оруженосце Дубле Дубе.

Но сейчас Амели занималась слишком важным делом, чтобы восхищаться тройным кувырком через лопатку, с помощью которого Пейджер появилась в спальне.

Амели Пулен готовилась к шабашу.

По традиции самая способная первокурсница Первертса получала право участвовать в Вальпургиевой ночи на горе Броккен в Германии¹⁴. Менее способные отправлялись в страны Скандинавии, Францию и Испанию, а самые безнадежные шабашили в Северной Ирландии.

Всю ночь ведьмочки наравне со взрослыми ведьмами гоняли на метлах, танцевали до упаду и после него, а также уплетали тортики с кремом из взбитых волчьих ягод. Но с первыми петухами девчонок отправляли спать, потому что

¹³ Амели Пулен назвали в честь героини популярного французского фильма. Сентиментальных родителей не остановило даже то, что фильм сняли только через десять лет после рождения девочки.

¹⁴ Что-то вроде Новогодней елки в Кремлевском Дворце съездов.

тут уж начинались недетские развлечения. Чаще всего взрослые устраивали разнузданные игрища в домино на желания. Фантазия у ведьм отменная: кого заставляли переодеваться козой и жалобно блеять, кого – съесть ведро галушек без помощи рук, кого – пролететь на метле через трубу, а иногда проигравшему даже приходилось воровать Луну¹⁵.

От факультета Орлодерр в этом году делегировали сразу двух первокурсниц: Амели и Мергиону. Строго говоря, лучшей на курсе ведьмой была Пулен, а Пейджер ведьмой не была вовсе. Но, поскольку Амели стала лучшей благодаря перешедшей к ней колдовской силе Мергионы, то на формальности закрыли глаза. Да и стоит ли уделять такое внимание формальностям, когда есть реальная возможность получить пяткой в лоб от малолетней рыжей ниндзя, которую не пустили на главный шабаш?

Сейчас Амели занималась сатанинским хохотом, который у нее плохо получался в силу природной застенчивости и французского прононса. Стоя перед трюмо, она старательно скидывала то одну, то другую черную бровь и восклицала:

– Ха! Ха! Ха!

– Нет, – отвечало трюмо, – нужно более протяжно: «Ха-а, ха-а, ха-а».

– На... Фантома... Асса... похоже... – выдохнула Мерги,

¹⁵ Неудивительно, что неволшебники считают Вальпургиеву ночь жуткой и стараются не выходить из дома по одному. Самые пугливые потом целый день 1 мая ходят толпами и громко кричат, размахивая транспарантами и малыми формами (считается, что малые формы отпугивают нечистую силу).

которая отжималась на кончиках ногтей и была немного обижена невниманием соседки.

Амели порозовела и снова нахмурилась перед зеркалом. Сравнение ей не понравилось: Фантом Асс был одним из следователей, присланных в школу прошлой осенью. За короткое время он умудрился всем надоесть, развалить половину Первертса, а в довершение всего по глупости передать собственные магические способности второму следователю – милейшему пастору Браунингу.

– Хо-хо-хо-хо! – зловеще (как ей казалось) прогремела (насколько у нее получилось) Амели.

– Давай лучше я тебя свистеть научу! – предложила Мерги и уже засунула четыре пальца в рот, как в стену предупреждающе застучали.

Девочки притихли. За стеной находилась спальня Форы Туны, преподавательницы прорицания. Если она начинала предсказывать неприятности, то не успокаивалась до тех пор, пока неприятности не случались.

– Завтра жаловаться побежит, – вздохнула Амели. – К гадалке не ходи.

Дальнейшие тренировки громового демонического хохота проводились шепотом.

– Слушай! – перебила соседку Мерги, которая не видела в упражнениях по хохотанию никакого смысла. – Сегодня же гадать нужно! На суженого¹⁶.

¹⁶ Вообще-то по правилам гадать на суженого следует в определенные дни в ян-

– На какого?

– Не на «какого», а на «кого». На человека, за которого суждено выйти замуж.

«Будь здесь Порри или Сен, – подумала Мергиона, – обязательно предложили бы погадать еще и на расширенного».

Порри Гаттер и Сен Аесли были однокурсниками Пейджер, тайно влюбленными в нее по самую селезенку. Влюбленность была такой тайной, что о ней знала только Мерги, – Порри и Сен о своих чувствах не подозревали.

– Ой, – обрадовалась Амели, – и правда! А можно? А что надо делать?

Совместными усилиями удалось вспомнить про башмачок, который гадающие девушки бросают через плечо. Что означало такое гадание, девочки не знали, поэтому, когда всю обувь выбросили в коридор, процесс зашел в тупик.

– Что теперь? – Мергиону просто распирало от желания производить бурную бессмысленную деятельность. – Что еще? Я больше ничего не знаю. А кто знает? Кто у нас все знает?

С этими словами она умчалась в коридор и забарабанила в дверь Форы Туны.

Амели поймала себя на том, что пригнулась.

Из соседней спальни донеслось раздраженное бубнение прорицательницы, перебиваемое звонкими «Ну пожалуйста!», «Ну мисс Форя!», «Ну нам очень надо!», «Ну вот вся

варе. Но ведьмы относятся к предрассудкам с профессиональным равнодушием.

надежда только на вас!» и «Ну спасибо!»

Вернулась Мерги с бежевой страничкой, которую только что с мясом вырвали из толстой книги с бежевыми страницами.

– «Положить под подушку зеркало, крепко уснуть, – на ходу читала она, – к утру во сне увидишь суженого...»

Пейджер остановилась и критически посмотрела на свою постель.

– Кто ж это выдержит?

Пулен улыбнулась. Она хорошо изучила соседку и знала, что Мерги способна выдержать что угодно, но терпения у нее хватает не больше чем на пять минут.

– Другой способ... «Поставить одно напротив другого два зеркала, чтобы образовался коридор отражений, перед зеркалом поставить свечу, сесть у зеркала и внимательно смотреть...» О! Это можно!

Когда система зеркал и свечей была выстроена (одна свеча показалась Мергионе недостаточно сильным решением), девочки уселись у трюмо и принялись внимательно смотреть.

– Гм, – сказала трюмо через минуту, – я что, что-то не то делаю? Что вы на меня уставились?

– Т-с-с, – прошептала Амели. – Мы суженых ждем.

– А, – неуверенно сказала трюмо. – Ну тогда конечно...

Прошло еще две минуты, наполненных потрескиванием свечей. Амели начала засыпать.

– Вижу! – заорала Мерги. Амели подпрыгнула. Трюмо по-

шатнулось. Свечи погасли. За стеной с чувством выругались.

– Мергиона, – позвала Амели, – ты тут?

– Ага, – отозвалась Мерги из темноты.

– Ты кого-то увидела?

– Н-нет. Нет. Никого. Мне показалось.

– Да? И кто тебе показался?

– Никто!

– И на кого он был похож? – не унималась Амели. – А ну-ка, признавайся!

– Отстань!

Амели хихикнула, махнула палочкой и сказала *Люминисцентус-Стационарус*. Зажглись плафоны.

– А это что такое? – вскричала Мергиона, тыча пальцем в стену. – Это что такое?! Это откуда взялось?

Стену напротив трюмо украшал самодельный портрет профессора Харлея.

Амели покраснела так, что зеркало не смогло правильно ее отразить.

– Ну это... я сегодня... повесила тут... а что?

«А что делать?» – спросили грустные глаза нарисованного Харлея.

– Ничего, – сказала чрезвычайно довольная Мерги. – Все в порядке. Значит, я твоего суженого увидела.

Вместо того, чтобы покраснеть еще больше (если только это было возможно), Амели вдруг побледнела.

– Ой! Я же Харлею маски не отнесла!

Девочка схватила со стола стопку ярко раскрашенных африканских масок и умчалась в ночь.

Мерги покачала головой. По ее мнению, девушка, да еще первокурсница, не должна так демонстрировать чувства мужчине, да еще преподавателю. Да еще преподавателю обращения с магическими животными, которых этот преподаватель боялся самым страшным страхом.

В свое время Амели помогла профессору Харлею изобрести дезодорант, отпугивающий все, что шевелится. Но однажды Харлей встретил в коридоре паука, страдающего хроническим насморком. Выбравшись из чулана, преподаватель решил дополнить отпугивающий запах устрашающей маской.

Две недели по вечерам Амели зарисовывала фантазии профессора, который выколдовывал их, предварительно крепко зажмурившись, но из-за предпраздничной суматохи забыла отдать готовые маски заказчику.

– Короче, с сужеными все ясно, – подвела итог Мергиона. – У Пулен – Харлей, у меня – или Порри, или Сен. Или еще кто-нибудь. Третьего не дано!

Мерги потянулась, похрустывая суставами и карамельками «Взлет», которые Амели опрометчиво оставила на кровати. До шабаша оставалось меньше часа.

– Нужно подготовиться, – решила девочка, – хорошенько подготовиться.

Через секунду Мергиона Пейджер спала.

Зеркало немного подумало, зевнуло, и, решив, что на сегодня его работа закончена, перестало отражать.

Эхо звуков будущего вполне удовлетворило Тень. Она взмахнула краями и двинулась было обратно, но тут на земле что-то изменилось. Тень посмотрела вниз и обнаружила, что у нее появилась тень. Тень внизу сидела на крыше Главного корпуса Первертса и смотрела на небесную Тень. Тень сверху сделала движение, которое можно расценить как пожатие плечами, и усвистала в щель между мирами.

Тень внизу, тем не менее, никуда не делась.

Желтая комната

Лаборатория Харлея охранялась самым тщательным образом. Под потолком висели липучки для мух, фей и солнечных зайцев, у стен лежали мышье-, коше- и химероловки, а перед дверью стоял капкан на маленьких тигров. Размещать в школьном коридоре капканы на больших тигров запретил Лужж. В качестве компенсации ректор позволил Харлею вырыть под окном волчью яму, рассчитанную на среднюю стаю вервольфов.

Амели постучала в дверь с табличкой «Осторожно, злая собака, уходи, откуда пришла!», но ответа не последовало.

– Профессор, – крикнула она, – это я, Амели!

– Ты уверена? – спросили из-за двери. – Некоторые виды скворцов, попугаев и фениксов могут довольно точно воспроизводить человеческую речь...

– Бросьте, Харлей, – лениво произнес второй голос. – Люди тоже могут довольно точно воспроизводить человеческую речь.

Внутри повздыхали, но дверь все-таки открыли.

– Бонжур, мсье профессор! – сказала Амели, которая от волнения всегда переходила на родной язык. – Ваши маски... Бонсуар, мсье Асс! Вы хорошо выглядите.

Фантом Асс хорошо выглядел и отлично себя чувствовал. Он безмятежно лежал на белой кушетке, с любопытством

разглядывая устрашающие маски в руках Амели.

Поначалу, утратив магические способности, Фантом был способен только на бесконечное вопрошание «Зачем?» и бессмысленное стояние-брожение-вздыхание. Но после знаменательной встречи с девочкой, которая лунной январской ночью бежала по снегу и декламировала хокку, большой быстро пошел на поправку. Вскоре он уже составлял икебаны, мастерил оригами и играл на лютне. А когда Харлей предложил Фантому в терапевтических целях нарисовать свои страхи, то получившуюся картину тут же приобрел Нью-Йоркский музей современного искусства.

– Интересные маски, – сказал Асс. – Я когда-то видел похожие у африканских троллей. У вас маскарад, мадмуазель?

– Нет, это у меня... Спасибо, Амели, спасибо, ты опять меня спасла... В племени троллей?! Бррр! А они хорошо отпугивали... ну... всяких... бррр!.. зверей?

– Тролли? Несомненно.

– Ага! Значит, когда тролли... бррр!.. надевали такие маски, бррр!.. звери в панике разбегались?

– Нет, конечно. Когда тролли *снимали* маски, звери в панике разбегались.

Харлей еще пару раз брркнул, подышал и принялся выбирать самую нестрашную с внутренней стороны маску.

– Вас выписывают, мсье Асс? – спросила Амели, присаживаясь на краешек стула.

– Завтра. Должны были сегодня, но доктор Харлей убедил

мадам Камффри в том, что нужно провести... как вы это называли?

– Закрепляющий сеанс, – торопливо сказал Харлей, примеряя маску. – Совершенно необходимая в современной психотерапии процедура. А что делать? А вы как думаете?

– Я думаю, доктор, что раз вы считаете процедуру необходимой, – Фантом зевнул, – то ее и надо делать.

Амели не отрываясь смотрела на Харлея. «Какой же он умный, – думала она. – Ну кто бы еще смог так здорово вылечить Асса! Такой был вздорный, нервный, а сейчас хоть блины на нем пеки».

– Ну что ж, приступим? – Харлей занял место за столом. – Э-э-э... Амели вас не смущает? Как вы думаете?

– Нисколько, – ответил Асс. – В присутствии детей я начинаю смотреть в будущее с большим оптимизмом.

– Да... ну, хорошо... А что делать? (Если Амели кого и смущала, так это самого Харлея, но ни с того ни с сего выставить ее он не мог.) Ну тогда расскажите, что вас сейчас беспокоит?

– Ничего.

– Совсем ничего?

Фантом безмятежно покачал гладкой головой.

– Не может быть. Хорошо. А в последнее время вы не беспокоились? Ни чуточки? Ни на... эту... йоту?

– Ну, пожалуй, пару дней назад я был озабочен... Я никак не мог подобрать мелодию «Шотландского пони, перепрыг-

нувшего через овечку, и ничего ему за это не было».

– Ну, – с надеждой сказал психоаналитик. – Это уже кое-что...

– Но вчера я ее подобрал.

– Серьезный случай, – пробормотал Харлей. – Пациент идет в отказ. Ну что, шоковую терапию? А что делать?

Он посмотрел на скучающего Асса и подумал: «А что? Делать!»

– Расскажите, при каких обстоятельствах вы лишились магических свойств.

– Опять? Ну хорошо. Преступник Бубльгум спрятал одну из труб Мордевольта в Волшебной Юле. Опрометчиво полагая, что труба наделяет мудлов колдовскими свойствами без последствий для держащего ее мага, я направил юлу на мудловского пастора Браунинга, и моя магия безвозвратно перешла к нему. Вот и все.

Менее опытному психоаналитику могло показаться, что пациент говорит совершенно спокойно. Но только не Харлею, который сунул руку в ящик и со стуком поставил на стол детский волчок.

– Она была вот такой?

Асс вздрогнул.

– Появилось беспокойство? Как вы думаете?

– Д... да, есть немного. Но это ерунда.

– Погремушкобоязнь, – обиделся Харлей, – это вовсе не ерунда! Если вы сейчас трясетесь от страха при виде детских

игрушек, что же с вами будет к старости, когда вы начнете впадать в детство?

Асс начал зеленеть.

– Вы же не сможете играть со всеми этими волчками, погремушками, трансформерами (Асс затрясся), кубиками, со-вочками, ведерками, мячиками (зубы Фантома начали выстукивать популярную мелодию «Не стучите в колеса»), конструкторами Lego (бывший колдун экстра-класса попытался спрятаться под кушеткой)... Ага, значит, не все в порядке!

Харлей взял волчок в руку.

– Вот видите, а вы собирались пренебречь закрепляющим сеансом. Ну, последний штрих. Смотрите, Фантом, сейчас я это раскручу...

Асс метнулся в шкаф и захлопнул за собой дверцу.

– Шоковая терапия, – ответил Харлей на недоуменный взгляд Амели. – Суровая, но совершенно необходимая процедура. А что делать? Представляешь, что было бы, если бы уважаемый Фантом столкнулся с юлой не в моем кабинете, а в реальной жизни?

– А что было бы?

– А ты как думаешь? У него начался бы прогрессирующий регресс! Он начал бы себя неадекватно вести! Он попытался бы спрятаться в чулане или шкафу!

– Но он и так в шкафу.

– Да, но сейчас он в шкафу под присмотром опытного специалиста по выводу из критических состояний. Вот смотри,

сейчас я его выведу... Фантом, выходите! Фантом!

Харлей постучал по мелко дрожащей дверце.

– Чего шумите?

Амели и Харлей обернулись.

– Стучаться надо, профессор Развнедел, – строго сказал психоаналитик.

Гость, здоровенный бугай совсем не профессорского вида, тем не менее был профессором, более того, деканом факультета Чертекак.

– А я только собирался постучать, – сказал Развнедел, – только руку поднял, а тут стук. Я и вошел. Дежурю я сегодня. Вот хожу, смотрю, кто чего шумит. А кто у вас в шкафу?

– Там Фантом Асс, – объяснила Амели. – Но вы не волнуйтесь, он там под присмотром опытного специалиста.

– Как они там вдвоем поместились? – удивился Развнедел. – Хотя, конечно, если специалист опытный...

– Да нет, опытный специалист – это профессор Харлей.

– Это профессор Харлей? – еще раз удивился декан Чертекака. – А я думал, это африканский тролль.

Харлей поднял руки и ощупал голову. Потом снял маску.

– Точно, профессор Харлей, – удивился (но не еще раз удивился, а не успел перестать удивляться с прошлого раза) Развнедел. – Надо же. А я-то подумал... Я этих троллей видел. Большие. Охотники хорошие...

– Не надо про троллей, – скривился психоаналитик.

Развнедел собрался удивляться дальше, но тут что-то

вспомнил и понимающе махнул бровями.

– Да, Харлей ведь со зверями не в ладах. Ну так эти тролли, знаете, как на этих зверей охотятся?

Психоаналитик начал зеленеть.

– Возьмут двух слонов (Харлей затрясся), натянут между бивнями десяток питонов (зубы профессора начали выступать популярную мелодию «Нас не догонят – мы сзади») и запускают в джунгли. А там столько живности (психоаналитик экстракласса попытался спрятаться под кушеткой), верещат все, пищат, стрекочут, ухают, гукают, каркают... куда это он?

– Зачем? – прохрипел Фантом, полупридушенный телом Харлея.

– Пойду я, – сказала Амели и отправилась восвояси. Она очень переживала, когда ее обожаемый профессор попадал в неловкое положение. Да еще в шкафу.

– А и точно, если специалисты опытные, то в шкаф запросто помещаются, – сказал Развнедел. – Ладно, вас я проведаль. Пойду Клинка проведу.

Тень внизу сидела на крыше Главного корпуса Первертса и озабоченно шевелила ушами. Она тоже умела слышать эхо звуков будущего, но, в отличие от небесной Тени, ей эти звуки совсем не нравились.

«Мда», – сказала тень, махнула хвостом и потрусила к чердачному окну. Если бы поблизости оказался независи-

мый наблюдатель, он бы с удивлением отметил, что у тени строгая кошачья морда.

Впрочем, что тут удивляться – у волшебного кота Кисера всегда была при себе строгая кошачья морда.

Пятнисто-зеленая комната

Название это довольно условно.

Свою комнату бывший майор волшебного спецназа, а ныне завхоз Школы волшебства Мистер Клинч разрисовывал собственноручно и неоднократно. Яркие маскировочные цвета со временем перемешались в не поддающийся описанию оттенок, который Клинч почему-то определил как «пятнисто-зеленый».

Внутри царил строгий армейский бардак: начищенные до блеска сапоги перегораживали вход; настенные командирские часы с абсолютной точностью отсчитывали время, хотя и обходились при этом без минутной стрелки; аккуратные стопки портянок использовались в качестве табуреток; отполированная несколькопудовая¹⁷ гиря находилась точно в центре комнаты. Точно под гирей плющился пропахший пылью и нафталином серый колпак.

Хозяин комнаты – мрачный розовощекий крепыш средних веков – описывал вокруг шляпы правильные окружности и ходил по ним, приговаривая:

– Попался, голубчик!

¹⁷ Гиря переменной тяжести очень удобна: например, при переезде на новую квартиру она весит всего полкило, а при занятиях спортом ее вес может плавно увеличиваться. Авторы дарят идею несколькопудовой гири любому, кто захочет ее реализовать. А также идеи нескольколитровой бутылки и несколькометровых лыж.

Галантерейный пленник издавал сдавленные звуки, подтверждающие, что гиря настроена на максимальную нагрузку.

– Что ты там говоришь? – остановился Клинч. – «Такое было время»? «А что я один мог сделать»? Нет уж, дудки!

В доказательство своей правоты майор в отставке выхватил из-за пазухи пару дудок и потряс ими перед условным носом колпака.

– Помнишь, кепка с ушами, выпускное распределение? Как ты веселился, направляя меня в Высшую Школу Ментодеров? А я ведь фундаментальной магией заниматься хотел! Тонкий Астрал изучать! Мечтал, что моим именем назовут новое заклинание!

В ярости Мистер перешел на строевой шаг. «Цилиндр недоношенный» издал пронзительное мычание.

– Что?! То есть ты считаешь, что я нашел свое место в жизни? А ты знаешь, что такое кросс по пересеченной местности с полной выкладкой? Да еще под видом влюбленной парочки! Да еще в одиночку! А потом, когда я попал под Трубу Мордевольта¹⁸, не ты, тюрбан-переросток, нашепты-

¹⁸ У читателя может сложиться впечатление, что у нас каждый второй персонаж попал под Трубу Мордевольта. Давайте внесем ясность. В разное время под Трубу Мордевольта попали и лишились магических свойств: Клинч (частично), Бубльгум, Фантом Асс, Мергиона, отец Мергионы Брэд Пейджер, Сен Аесли, сам Мордевольт, Порри Гаттер, но он, поскольку был мудлом, наоборот, магические свойства получил, а еще их получил пастор Браунинг, а еще Амели нечаянно усилила свою магию колдовской силой Мергионы и Сена. Видите, не так все сложно. Ах да, еще братья Пузотелики, бывшие пятикурсники Первертса.

вал ректору, что нельзя меня даже на испытательный срок брать?

Колпак приступил к серии возмущенно-отрицающих звуков.

– Ты-ты! Не отнекивайся! Хорошо, что Бубльгум оказался человек порядочный, даром что подлец и обманщик, приютил меня. Но кто, – голос Клинча зазвучал патетически, – кто вернет мне потерянные годы? Молодость мою?

– Чего шумишь?

Мистер раздраженно оглянулся:

– Стучаться надо, дежурный!

– Извиняй, я думал, ты тут один, – Развнедел выпрямился и гулко стукнул головой о косяк. Висящий над дверью диплом «Лучшему Клинчу среди школьных завхозов» покачнулся, но не упал, а отполз по стене в сторону.

Клинч с досадой крикнул. Уткой. Потом селезнем. Потом махнул рукой.

– Так чего шумишь? – повторил профессор, входя в комнату и разметывая по пути шеренгу сапог.

– Молодость возвращаю!

– Чью?

– Да мою.

– Кому?

– Себе.

Теперь все. Если не считать еще шесть с половиной сотен бывших магов. Можно, мы не будем их считать?

– А-а-а, – задумчиво протянул Развнедел.

Декан Чертекака умел очень хорошо имитировать задумчивость, что позволяло маскировать природное тугоумие в присутствии проверяющих. Впрочем, производство шума с целью вернуть молодость поставило бы в тупик кого угодно.

– Так я чего пришел, – продолжил профессор. – Может, уже пора сигнал давать? На праздничный ужин?

Клинч посмотрел на дудки, которые все еще сжимал в кулаке, и мотнул головой:

– Сначала решу проблему с потерянной молодостью! Сначала делу время, а потом посмотрим, кто посмеется последним! Правда жизни. Сам придумал.

Развнедел внимательно затаращился на центр комнаты.

– Я, конечно, извиняюсь, – сказал он, – но, по-моему, там под гирей – не твоя молодость. Это наш Распределительный Колпак. Мы им студентов распределяем. Кого в Чертекак, кого еще куда.

– Вот этот цилиндр недоношенный «еще куда» меня и распределил! И все, прощай молодость! Береги честь смолоду, не уберег – все, хана.

– А-а-а, – повторил трюк с задумчивостью Развнедел. – Понятненько. И что делать думаешь?

Клинч прищурился.

– Думаю распороть и пустить на ветошь (Колпак икнул). Или распустить и связать варежки (Колпак застонал). Или

постирать и продать на блошином рынке?¹⁹

Колпак принялся яростно вырывать из-под гири. Завхоз ослабился. Развнедел нахмурился.

– Не пойдет.

– Пойдет! – уверенно заявил Клинч. – На ура пойдет. Если цену не задирать, то за пару деревянных уйдет как миленький! В зубы не посмотрят!

– Не пойдет – в смысле не годится, – пояснил Развнедел. – У нас распределение выпускников через месяц. Кто их распределять будет? Я, что ли?

Декан снял гирю и сунул волшебную шляпу в карман.

Клинч уставился на Развнедела. Развнедел пару раз отжал гирю и задумался, держа спортивный снаряд над головой.

– И потом, продашь ты эту шляпу за пару штук, на новую молодость все равно не хватит. Лучше продай летом как панамку. Во-первых, сезон, во-вторых, выпускное распределение уже пройдет. Хотя нет, потом же вступительное распределение. Ну, значит, продай зимой как ушанку. А еще лучше следующим летом, после следующего выпускного. Или следующей зимой...

Тут декан Чертекака поднял голову, увидел гирю и приятно удивился:

– Во я даю. Как говорит народная мудрость, сила есть!

¹⁹ В отличие от человеческих блошиных рынков, где люди покупают всякое ненужное барахло (зато очень дешево!), на волшебных блошиных рынках всякое барахло покупают блохи.

Развнедел грохнул гирей о пол. Вторую часть народной мудрости он не знал.

– Так это, жрать-то будем сегодня или как?

Клинч молчал, глядя в окно на башню Орлодерра. В май-орской голове смутно, как утреннее привидение, колыхался большой и красивый план школьных реформ, первым пунктом которого убедительно обосновывалась необходимость списания Распределительного Колпака с последующей передачей в руки школьного завхоза на его, завхоза, полное усмотрение. А распределять студентов предписывалось не посредством вздорной шляпы, а с помощью точного, объективного и неподкупного механического устройства.

– Так это, жрать-то...

– Ага, – рассеянно сказал Клинч, – сейчас... Будет и на вашей улице, не отвертитесь...

И продолжил смотреть в окно напротив.

По ту сторону стены между мирами началось движение. Несколько плотных теней, стирая с неба звезды, подплыли к приоткрытой двери и заглянули вниз. Первертс с такой высоты походил на подсвеченный муравейник. А тени – на муравьедов.

Вернемся-ка мы лучшие на землю.

Черная комната

Вообще-то раньше эта комната была Перламутровой, но с прошлой осени здесь проживал юный научно-магический гений Порри Гаттер вместе со своим другом, юным гением политехнологий Сеном Аесли. Однажды научно-магический гений, несмотря на активные возражения гения политехнологий, решил выяснить, что произойдет, если демон встретится с антидемоном, – и комната приобрела свой нынешний, закопченно-черный цвет.

Идея заменить Древний Распределительный Колпак точным механическим устройством не зря пришла к завхозу именно при взгляде на окно Черной комнаты. За неполный год обучения в Школе волшебства Порри Гаттер успел серьезно расшатать основы традиционного Магобуча²⁰, применяя достижения мудловского прогресса где только можно, и везде, где нельзя. Дело дошло даже до экспериментального включения мудловских дисциплин в школьную программу Первертса²¹.

Сен Аесли эксперименты не любил, считая их глупым раз-

²⁰ Магобуч – проект всеобщего Магического обучения, начатый в XIV веке и до сих пор не заверченный: с одной стороны, часть дремучих средневековых магов так и померла магически безграмотной, а с другой – все время рождаются новые маги, которых опять-таки приходится обучать.

²¹ Как и Магобуч, включение мудловских дисциплин в школьную программу пока было процессом, а не результатом.

влечением для тех, кто слаб в теории. «Если действие нельзя заменить его обдумыванием, – говорил Аесли, – то стоит подумать, есть ли смысл в таком действии».

Иначе говоря, Сен Аесли не любил работать, а любил лежать на кровати и думать.

Вот и сейчас он лежал на кровати, логично аргументировав отказ помогать паяющему, клепающему и периодически ударяемому током Гаттеру.

– Если я буду в этом участвовать, – сказал Сен, убедительно глядя на Порри сквозь тонкие пижонские очки, – то не смогу быть чистым сторонним наблюдателем, а значит, буду не в состоянии объективно оценить результат эксперимента.

«Будем рассуждать логически, – думал чистый наблюдатель Сен, безучастно глядя на перемазанного экспериментатора Порри. – Вот только о чем? Уснуть под вопли лучшего друга не удастся, поэтому нужно найти какую-нибудь актуальную теоретическую проблему».

Наиболее актуальную проблему Аесли – экспериментирующего по ночам Порри Гаттера – искать не приходилось, но теоретической она определенно не являлась.

Сен несколько раз обвел глазами комнату и остановился на самодельном транспаранте, который Порри частенько использовал в качестве решающего аргумента:

**БУДУЩЕЕ МАГИИ ЗА ВЫСОКИМИ
ТЕХНОЛОГИЯМИ!**

У. Мордевольт

Аесли не раз указывал Гаттеру на вопиющую нелогичность лозунга, из которого следовало, что между магией и ее будущим торчат высокие технологии, преграждая магии дорогу. «Нелогично, – всякий раз соглашался Порри, – зато правильно», чем ужасно злил Сена.

«Будущее магии... Магия... Хм. А что такое магия?»

Сен поправил очки и улегся поудобней. Теоретическая проблема нашлась.

Для начала следовало определить, чем магия отличается от немагии. Чтобы дать Порри по уху без применения колдовства, нужно встать, подойти, замахнуться, дать по уху, потом броситься бежать... в общем, не стоит так стараться. С помощью магии можно, не слезая с постели, махнуть волшебной палочкой, сказать *А-если-по-уху...* и что? Что даст Порри по уху? Заклинание? Набор слов? Как набор слов может дать по уху?²²

Аесли уже почти не замечал шума и суеты, производимых Гаттером. Проблема оказалась теоретической донельзя – проверить ее на практике лишенный магии Сен не мог в принципе.

«По базовому мудловскому определению, магия или чудо – нарушение физических законов. Но так ли это? Может, это просто применение еще неизвестных законов физики? Древние люди считали огонь чудом, поскольку не знали, какие

²² Если присмотреться к заклинанию, то станет ясно, что по уху Гаттеру даст все-таки Аесли.

химические процессы вызывают горение. Потом они научились разжигать костры, но почему костры горят, все равно не знали. Маги произносят заученные заклинания, не имея представления о том, почему они, собственно, действуют. То есть на самом деле магия...»

– Порри! Скажи, пожалуйста, магия – это нарушение законов физики или их расширение?

Гаттер остолбенел, почесал затылок, обжегся паяльником.

– Ну ты спросил, – наконец сформулировал он.

– Спросим по-другому. Можно ли нарушить законы физики?

– Нет, конечно! Это же законы физики!

– Тогда мы получаем парадокс. По определению, магия – нарушение законов. А раз законы нарушить невозможно, то только что мы логически доказали... что?

– Что?

– Что магии не существует, – ухмыльнулся Сен.

Порри старательно обдумал свежее открытие.

– Это всё слова, – он пошарил в карманах комбинезона, вытащил волшебную палочку и направил ее в окно. – *Зашибись-перевернись!*

Пролетавшая за окном почтовая ворона удивленно оглянулась на Гаттера. Через секунду она стукнулась о дерево, перевернулась и рухнула в кусты.

– Да-а, – протянул Аесли. – Магия – страшная сила.

Порри смутился. Он совсем забыл, что Сен не волшебник

и может обидеться на такую бессмысленную демонстрацию гаттеровских преимуществ. «Ладно, сейчас извинюсь», – подумал Гаттер...

– ...Ладно, не дури мне голову, – сказал он. – Не помогаешь, так хоть не мешай.

– Хулиганье! – каркнули снаружи. – Я жаловаться буду!

Сен заложил руки за голову. Даже если он и собирался обижаться, сконфуженный вид Порри его совершенно удовлетворил.

«Итак, магии нет. Есть просто слова. Определенные наборы слов, которые воздействуют на материальный мир и поэтому называются заклинаниями²³. Но почему эти наборы слов действуют, только если их произнесет маг? Я ведь тоже могу сказать *Зашибись-перевернись*...

– *Зашибись-перевернись*, – сказал Сен.

Гаттер оглянулся на друга.

«Ничего не произошло. А куда же делось мое *Зашибись-перевернись*?»

– Порри, куда делось мое *Зашибись-перевернись*?

– Что?

– Ты произнес определенный набор слов, он подействовал на ворону. Я тоже его произнес. Мои слова ни на что не подействовали. Но они же не могли просто исчезнуть?

– Не могли, – подтвердил Порри. – Закон сохранения. Они

²³ Наборы слов «Всем на пол! Это ограбление!» или «Предъявите документы» – не заклинания, но тоже весьма эффективно воздействуют на материальный мир.

превратились в звуковые волны и, быстро затухая, разлетелись. Поскольку ты не скрепил их силой магии.

– Очень интересно, – сказал Сен и замолчал.

Гаттер минуту смотрел на Аесли, но так и не дождавшись продолжения, вернулся к плоскогубцам и паяльникам.

«Очень интересно. Значит, если набор слов скрепить магией, то получится заклинание, которое не превратится в волны и не затухнет, а сработает. А если не сработает? Если бы ворона увильнула и заклинание Гаттера пролетело мимо? Что бы с ним стало потом? А ведь так бывает, сам видел²⁴. Пропасть бесследно заклинания не могут... или могут? Предположим, что не могут, а то неинтересно. Ну, и где же они? Бродят вокруг? Но тогда бы у нас постоянно что-нибудь само собой превращалось, зашибалось и переворачивалось. Этого не происходит, значит, они где-то в другом месте, и отделены от нас чем-то вроде прочной стены. А если эту стену сломать? Тогда все не сработавшие за тысячу лет заклятия вернутся сюда».

От удовольствия Сен даже зажмурился. Нет, его обрадовала вовсе не грядущая катастрофа, а логически безупречный результат теоретических выкладок. О том, что катастрофы происходят именно при переходе от теории к практике, он еще не знал.

²⁴ Однажды МакКанарейкл, доведенная до бешенства дурацкими выходками первокурсника Оливье Фореста, послала на него смертельное заклинание *На-кого-ж-ты-нас-покидаешь*, но в последний момент взяла чуть выше.

«Ну а теперь представим гипотетически возможную ситуацию возвращения несработавших заклинаний и проанализируем теоретические пути ее разрешения. Очевидно, что...»

– Готово! – крикнул Порри.

Сен вздрогнул. Прошлый раз после слова «Готово!» последовал небольшой, но запоминающийся Всплеск Эмоций. Тогда Гаттер конструировал Эмоциональную Разрядку. Комнату от Разбитых Надежд, Лопнувших Иллюзий и Смеха Без Причины отмывали три дня.

– И что готово? – Сен взялся за края одеяла, внимательно следя за руками вдохновенного экспериментатора.

Порри торжественно извлек из кучи технического мусора электрического филина Филимона. Любимец Гаттера вертел ушастой металлической башкой и урчал.

– Я вмонтировал в Филимона систему эхолокации. Теперь он сможет летать в полной темноте, как летучая мышь! Сейчас проведем испытание.

– Уррррр? – спросил филин.

– Зачем? – спросил Аесли.

– Чтобы убедиться, что система работает!

– Подожди. Ты уверен, что система будет работать?

– Конечно!

– Так кого ты хочешь в этом убедить?

– Ну... тебя.

– Я убежден, что твоя система будет работать.

– Тогда Филимона! – нашелся Гаттер.

– Уррррр?

– Не уверен, что ему этого хочется, – заметил Сен.

– Ерунда, – отмахнулся Порри, завязывая филину глаза наволочкой. – Это для его же пользы.

Гаттер отошел на два шага.

– Сейчас, – сказал он, потирая руки, – система эхолокации активизирована. Источник ультразвуковых волн испускает... э-э-э... ультразвуковые волны, они отражаются от препятствий, возвращаются в улавливатель, который преобразует сигналы и подает их в мозг Филимона, где появляется точная картина окружающей местности. Круто? Филимон! Лети!

Филимон не тронулся с места.

Юный изобретатель нахмурился.

– Лети! Филимон! Что такое? Что я не сделал?

– Ты ему мозги не отключил, – сказал Аесли. – Если бы мне предложили полетать по комнате с завязанными глазами, я бы тоже отказался.

– Уррррр!

– Но система эхолокации должна работать!

– Ну, тогда он видит все препятствия в нашей комнате. И думает: «Зачем мне это? Лучше я посижу тихонько».

– Откуда ты знаешь, что он думает? – разозлился Гаттер.

– А ты его спроси.

– Урррррр.

– Спросить?! Но он же не может...

Порри растерялся. Ему и в голову не приходило, что электрическому филину есть что сказать хозяину.

– А ведь он мог бы... в клюв динамик... вывести туда второе реле... нет, лучше третье... звуковую карту... конденсатор... Точно! Сейчас будет звук!

Гаттер схватил отвертку, прикоснулся к Филимону... и появился звук! Не просто звук, а звучище! Тревожный, как зов раненого дуплодока²⁵, вой проник в каждую щель школы волшебства.

– Выруби! – взмолился Аесли, пытаясь закатать голову в подушку. – Сделай как было!

– Не могу! – прокричал Порри. – Он сам! Это не я!

– Это я! – прогремел голос майора Клинка. – Всему мужскому составу Первертса объявляется Вальпургиева побудка! Сбор в пункте приема пищи! Повторяю!..

– Не надо! – хором взмолились Гаттер и Аесли и, видимо, не только они, потому что голос запнулся и обиженно закончил почти на нормальной громкости:

– Через полчаса в столовой.

Оставшись один, Филимон сердито встрепнулся, поднялся в воздух и сделал круг по комнате. Система эхолокации работала отлично, и филину это очень не нравилось.

²⁵ Мифический дракон, якобы живущий в дуплах гигантских секвой. Исключен из «Энциклопедии мифических существ» за споры с составителями энциклопедии.

Филимон не хотел иметь ничего общего с летучими мышами.

Подвиг № 1

Пурга в Вальпургиеву ночь

*В начале было Слово. И Слово было... Упс!
Сотворение мира (воспоминания очевидца)*

*Будьте осторожны в своих желаниях. Они с
вами осторожничать не будут.
Первое правило демиургов*

Кисер лежал в Зале Трансцендентальных Откровений.

Кисер спешил. Ему следовало найти одного обитателя Первертса до того, как эхо будущего превратится в грохот настоящего. Волшебный кот мог в один миг перенестись в любое место, но не мог – ему было очень лениво. Но тревожно. Но лениво. Но тревожно. Он все яснее видел, как над его уютным миром нависает крайне неприятная тень. Кот лежал, разрываясь между тенью и ленью.

И тут тень упала на Кисера.

Кот открыл один глаз и задрал усатую морду. Из-под потолка на него безучастно взирал сонный громила. Кисер оттолкнулся от пола, взбежал по бицепсам, устроился на плечах верзилы и что-то промурлыкал в ухо. Тот кивнул, толкнул дверь и вышел в...

...Коридор

Такого бедлама в коридорах Первертса не было уже очень давно...

Хотя нет, был, причем совсем недавно! Когда бились с домовыми Бубльгума. Когда бились с ложным призраком Мордевольта. Когда праздновали предыдущую Вальпургиеву ночь.

Короче.

В коридорах Первертса стоял привычный бедлам.

Заспанные мальчишки брели в направлении столовой на Вальпургиев мальчишник. Их однокурсницы с горящими глазами неслись на крышу Главного корпуса, откуда должен был начаться отлет на шабаши различного калибра. Потoki сталкивались, толкались, дергали за косички и получали в ответ кулаком в живот.

В Вальпургиеву ночь прибегать к волшебству в пределах Первертса запрещалось. Но как тут не колдовать, когда хочется поскорее, а они под ногами мешаются, а те впереди ползут, а эти сзади напирают! То один, то другой начинающий волшебник озирался и шептал заклинание левитации, пытаясь преодолеть хотя бы часть пути по воздуху. Через секунду нарушители брякались оземь, сбитые грубоватым, но надежным заклятием *ПВО-не-спит!* Это известный дво-

ечник и сорвиголова²⁶ Оливье Форест развлекался, сидя на шее пристенного рыцаря. Наглядное пособие пощелкивало забралом в такт хулиганским действиям.

Довершали панику и давку лестницы Первертса. Как и положено лестницам любой уважающей себя школы волшебства, они то и дело внезапно поворачивались, отправляя очередную группу студентов в боковые коридоры и тупики²⁷.

В эпицентре столпотворения на невысоком постаменте зябко ежился Каменный Философ, гордость и талисман Первертса²⁸. Долгие годы он сидел в уединенном Зале Трансцендентальных Откровений, но после нескольких разрушительных столкновений с Порри Гаттером его переставили на перекресток Семи Коридоров, где пересекались четыре главных коридора школы²⁹. Теперь Философ мог издали заметить приближающегося Гаттера и морально подготовиться к неизбежному.

Звукозаписывающий зверек ухогорлонос прижимался к

²⁶ Прозвище «Сорвиголова» Оливье получил после неудачной попытки применить к себе заклинание удлинения шеи.

²⁷ Долгое время считалось, что в непредсказуемых поворотах лестниц Первертса зашифровано послание великих колдунов прошлого. Десятки ученых магов потратили не одну сотню лет жизни, пытаясь разгадать тайный смысл лестничных маневров, пока кто-то не догадался, что лестницы просто валяют дурака.

²⁸ Особую гордость обитателей Первертса вызывало умение их реликвии давать любые ответы на любые вопросы. Например, на вопрос «Который час» Каменный Философ мог ответить: «Зря вы это затеяли».

²⁹ Не удивляйтесь, многие названия в Первертсе выбраны исключительно из-за благозвучия.

постаменту, стараясь разобрать в общем гаме и сохранить для истории мудрые изречения Каменного Философа.

– Все пустое, – бормотал Талисман, окидывая взглядом заполненные студентами и преподавателями коридоры. – Все пустое.

Всего несколько первокурсников держали себя в руках (а руки, от греха подальше, – в карманах) и не колдовали. Это была неразлучная троица: Кряко Малхой, Грэбб и Койл. «Неразлучной троицей» их называли потому, что Грэбб и Койл никак не могли разлучиться с Кряко, который находил их, где бы они от него не прятались. Единственное, что троицу объединяло – это преклонение перед легендарным Порри Гаттером.

– Не колдовать! – прикрикивал на товарищей Малхой. – Порри никогда не колдует, когда ему запрещают.

– Порри хорошо, – пробурчал Койл, глядя в стену из спин, – у него всякие лазеры, излучатели, электрошокеры...

Грэбб завистливо вздохнул, вспоминая, как в День Закрытых Дверей Гаттер в две секунды расчистил полосу магических препятствий протонным излучателем.

Порри Гаттер, прижатый к стене в соседнем коридоре, и сам бы не отказался от какой-нибудь штуковины, которая поможет пробиться сквозь толпу. Но в данной ситуации техника была так же бессильна, как и магия. Гаттер прижал локти к бокам, высмотрел в плотной массе учащихся щель... и почувствовал на плече цепкие пальцы Сена.

– Воспитанный человек никогда не полезет в толпу, – сказал Аесли.

– Воспитанный человек не торопится?

– Воспитанный человек подождет...

Сен прислушался к шуму, возникшему в начале коридора...

– ...рассудит логически...

...источник шума (профессор Развнедел, двигавшийся в сторону столовой с целеустремленностью теплонаводящейся боеголовки) поравнялся с друзьями...

– ...и только потом... Давай!

Оказавшись за могучей спиной декана Чертекака, друзья почувствовали себя караваном сухогрузов в кильватере атомохода «Арктика». Позже это позволило им войти в тройку лидеров гонки за ужином.

В это же время, но по другому коридору и в совершенно другую сторону двигалась Мергиона Пейджер. Вместе с сотнями других юных и не очень ведьм она спешила на крышу, которая доставит их по месту назначения. Да-да, в ночь на 1 мая крышу Первертса срывало – иногда вместе с факультетскими башнями – и носило по миру. Путешествие среди звезд, облаков и самолетов гражданской авиации было захватывающим и пьянящим³⁰.

Пятикурсница Гингема, старшая сестра Порри Гатгера, на

³⁰ Минчудздрав предупреждает: опьянение полетом крыши вызывает привывание!

ходу инструктировала девочек помладше, щедро делясь подробностями полетов крыши:

– Девчонки! Это что-то с чем-то! Это такое, что и не передать! Просто рассказать невозможно! Ну просто ух! Ну просто полный сундук!³¹

Те, кто уже пережил когда-то Вальпургиев перелет, согласно кивали головами, остальные старались впитать каждое слово точных и ясных инструкций Гингемы.

Перед тем как нырнуть в дверцу, ведущую на чердак Главного корпуса, Мергиона оглянулась. И удивилась. Ее верный оруженосец Дубль Дуб (в прошлом году Мерги его наколдовала – случайно) тоже был тут. Точнее, уходил отсюда, двигаясь с размеренностью шагающего экскаватора на прогулке. С плеча Дубля на девочку серьезно смотрел гаттеровский кот Кисер.

«Почему Дуб не в столовой? – подумала Мергиона. – Почему Кисер на Дубе? Что еще за кот ученый? Должна ли я что-то по этому поводу сделать?»

С этой непростой мыслью она скрылась на чердаке, увлекаемая потоком галдящих однокурсниц.

³¹ Таким нехитрым способом прабабушка Гингема (тоже, кстати, Гингема) подправляла крепкие выражения, незаменимые при воспитании детей и внуков.

Столовая

– Почему? – повторил Развнедел.

– Ну... э... новая традиция, – сказал Лужж.

– Почему?

– Ну сколько можно жить по-старому, правда? Наесться от пуза, плясать на столах и кидаться костями? Как свиньи какие-то, честное слово!³² Пришло время, когда средневековые обычаи должны уступить место...

– Почему?

Лужж замолчал. Традиции здесь были ни при чем. При чем была неопытность нового ректора.

Дело в том, что в Вальпургиеву ночь (с одиннадцати вечера до трех утра) в Первертсе резко усиливалась восприимчивость материи к магии³³. Колдовать строго-настрого возбранялось, а уж кухня – место, где творились небывалые, даже по меркам магов, чудеса – и вовсе становилась запретной зоной.

Прежний ректор Бубльгум, умный и опытный, как все прохвосты, обеспечивал приготовление праздничного ужина заранее. Наевшись, волшебники становились добродушными, устраивали веселый турнир по метанию костей, и

³² Когда это свиньи плясали на столах и бросались костями?

³³ Поэтому крышу Главного корпуса, державшуюся на честном слове (точнее, на честном заклинании), срывало не каждую ночь, а только раз в году.

мальчишник без особых проблем добирался до трех утра, после чего всех отпускали спать.

Новый ректор Лужж, наивный и непредусмотрительный, как все порядочные люди, этого не сделал. Теперь придется что-то делать с голодными волшебниками, заполнявшими пустую столовую. А еще пора уже что-то решать с Мордевольтом, который упрямо не понимал тонких намеков Югоруса насчет Трубы. Да, с Трубой надо что-то решать. Что-то такое придумать... Может быть...

– Может быть, нам организовать дискуссию? – спросил он Развнедела. – Начнем с того, как будет здорово, если все станут магами, а потом... что же потом? Потом надо будет правильными наводящими вопросами перевести дискуссию в плоскость проблемы практического осуществления...

Определенно в этот вечер все задались целью доконать бедного декана Чертекака. Сначала Харлей лечил Фантома Асса посредством шкафа, потом захвост с помощью шума пытался вернуть молодость, затем оказалось, что ужина не будет, а теперь ректор на простой и ясный вопрос «Почему?» сошел с ума. Развнедел тяжело опустился на скамейку и уставился на руки. Потом на всякий случай спрятал руки под стол.

Тем временем в столовую из коридорной давки прорвались самые слабые представители сильной половины Первертса. На этом давка завершилась – бестолково ввалившаяся «неразлучная троица» заняла последнее место в гонке за

отмененным ужином.

– Вы что, уже все съели?! – пропищал Кряко Малхой. – Как вы могли!

Лужж очнулся.

– Вальпургиев мальчишник объявляется открытым! – объявил он. – Три с половиной часа безудержного мужского веселья назло ведьм... то есть без всяких женских глупостей! Докажем, что мы, настоящие маги, легко обойдемся и без женщин, и без пищи!

Двери столовой гулко захлопнулись. Веселье началось.

Спортплощадка

Школьная спортплощадка, втиснутая между Чертекаком и загоном с монстрами, редко использовалась по назначению. Нет, с пространством над площадкой, изборожденным следами бесчисленных метел, все было нормально. А вот сама площадка... Короче, в высокой густой траве вполне могла заблудиться сотня-другая гномов. Правда, за последние полгода неутомимая Мергиона проделала здесь немало упражнений на свежем воздухе, но вытоптать многовековые заросли в одиночку так и не смогла.

Поэтому когда Мордевольт привез из Австралии 146 электрических овец, вопрос, где их держать, даже не успел быть поставленным.

Овцы тихо жужжали, перемещаясь по площадке правильным квадратом. В центре квадрата вместе с подопечными Мордевольта передвигалось пустое место.

Стукнула входная дверь и в слабом мерцании злосветов³⁴ показался человек с меховым воротником. Воротник приподнялся и несколько раз мрявкнул.

Стадо остановилось. Пустое место, аккуратно раздвигая

³⁴ Для тех, кому лень заглянуть в первую книгу: злосветы – это такие разумные светлячки, которые чем больше злятся, тем ярче светят. Применять их можно, только периодически сильно ругая либо непрерывно слегка поругивая. По непонятной причине эти весьма неудобные в обращении светильники получили широкое распространение в магическом мире.

овец, приблизилось к гостям и мягко заполнилось большим белым двугорбым верблюдом. Две Чаши, он же Рыжик – тот самый, спасенный Мергионой от неверной гибели³⁵ – наклонил красивую умную морду к живому воротнику и вопросительно фыркнул.

Дубль Дуб приветливо моргнул. Кисер довольно зажмурился. Первая часть задачи была решена.

³⁵ Как выяснилось после спасения, считать, что Двум Чашам может грозить гибель, – неверно.

Опять столовая

Сен впервые видел шеф-повара Гаргантюа не за приготовлением пищи. Худой, как зубочистка, француз не знал, что делать с руками. Куда бы он их не пристроил, руки начинали месить, лепить, нарезать или помешивать. Голова напоминала безутешное вареное яйцо.

– А ведь мы с обеда не обедавши, – выразил общую скорбь Развнедел.

В животе Харлея немзыкально заурчало.

Югорус Лужж обвел присутствующих озабоченным взглядом. Вся мужская (и мальчиковая) часть Школы волшебства смотрела на него... недобро.

– Давайте веселиться! – заторопился ректор. – Все-таки у нас традиционный Вальпургиев мальчишник! Кто знает веселую игру?

– «Съедобное – несъедобное»! – отозвался с дальнего стола Оливье Форест, но, судя по звуку затрешины, не получил поддержки у товарищей.

– Можно играть в города! – предложил Кряко Малхой и сам же начал. – Манчестер! Теперь на «Р»...

– Рагу! – отозвался Гаргантюа. – Или ромштекс. Или равиоли. Только без сметаны, а с уксусом и укропом...

Бормотание главного повара прервал подзатыльник, который схлопотал ни в чем ни повинный Кряко.

– Давайте не будем впадать в фрустрацию, – вдруг сказал Харлей.

Все задумались, пытаясь понять, куда им не надо впадать и как это может быть связано с едой³⁶.

– Думай не думай, – заявил Развнедел (который, кстати, и не думал думать), – а еда сама не прилетит.

Звякнуло оконное стекло, и в столовую влетело странное существо с наволочкой на голове. Взгляды присутствующих потянулись к теоретически съедобному гостю, а руки – ко всему, что можно использовать в качестве метательного оружия.

– Спокойно! – закричал Гаттер. – Это мой Филимон! Он несъедобный, он ультразвук излучает!

Излучив указанный ультразвук, филин получил отражение от препятствий с ножами и вилками в руках, правильно сориентировался в ситуации, и только его и видели.

– Зачем же так нервничать, – сказал Лужж, восстанавливая разбитое окно (поскольку магия в эту ночь усиливалась, то ректор сумел одним взмахом палочки починить оба разбитых окна и украсить занавесочками четыре соседних). – Давайте спросим у Порри, как проводят мальчишники муд... люди, не обладающие волшебными свойствами.

Фан-клуб Порри Гаттера разразился бурными, но жид-

³⁶ Самым прямым образом. Например, вы собирались поесть, начали жарить яичницу, но задумались, и яичница сгорела. Если это были последние яйца в доме – все, вы в фрустрации.

кими аплодисментами. Сен отметил, что глаза ректора снова затянулись мечтательной дымкой. «Неужели, – подумал Сен, – он не о еде думает?»

– Как проводят? – переспросил Порри, припоминая содержание фильмов, в которых изображались мудловские мальчишники. – Собираются вместе, что-то пьют, закусывают...

Майор Клинч поперхнулся слюной.

– А, вспомнил! – обрадовался Гаттер. – Они еще прячут девушку... Куда они ее прячут... А! В огромный торт!

Громкий коллективный стон заставил Лужжа снова вернуться к реальности.

– Вот что! Давайте-ка займемся подвижными играми. Они повышают настроение, сплачивают коллектив, улучшают аппетит...

– Зачем? – спросил из темного угла Фантом Асс, которого привели повеселиться вместе с остальными.

Собрание поддержало реплику угрюмым ропотом.

– Эх, – сказал Гаттеру майор Клинч, – в прошлые годы Бубльгум, знаешь, как зажигал? Не знаешь, как зажигал! Он, конечно, гадом был, Бубльгум, но праздники умел организовывать, гад! Не то что наш новоиспеченный...

Мистер замолчал, споткнувшись о слово «новоиспеченный».

– Ну что вы такие вареные, – расстроился Лужж. – Давайте начнем, а там втянемся! Аппетит приходит во время

еды...

– Ну почему?! – возопил Развнедел. – Почему еда не приходит во время аппетита?!

Крыша Главного корпуса

Лучшая половина Школы волшебства чувствовала себя куда лучше, чем сильная, которая сильно хотела есть.

Вся крыша возбужденно гудела. Над радостно перекрывающейся толпой торчали макушки студенток и преподавательниц, которые не поленились сделать праздничную укладку – высокие копны тщательно всклокоченных, художественно стоящих дыбом волос. Некоторые разоделись в вечерние наряды, но большинство предпочло ночные: классические белые саваны, среди которых кое-где виднелись лохмотья от Куччи и ультрамодные ультрамини³⁷.

Сьюзан МакКанарейкл, никогда не соблюдавшая ничьих запретов (особенно своих собственных), взмахнула палочкой и вознеслась над крышей для последнего предполетного инструктажа.

– Девочки! – прогремел ее усиленный несанкционированной магией голос. – Внимание, девочки! Мадам Камфри, я к вам обращаюсь! Сейчас не свистеть! Свистеть потом! Все помнят, кто куда летит? Ладно, по пути разберетесь. Первокурсницы! Если потеряетесь, подлетайте к ближайшему мудлу и корчите самую страшную рожу.

Амели придала лицу как можно более отвратительный вид и повернулась к Мерги. Та прыснула.

³⁷ Стильная комбинация декольте и вырезов.

– Как только мудловские вопли станут членораздельными, – продолжала мисс Сью, – вы сможете получить ценную информацию о том, куда вы должны сгинуť или изы... изыд... изойти. Не стесняйтесь, изых... изой... и сходите! Наверняка встретите там кого-нибудь из наших.

Профессор набрала в грудь побольше воздуха и оглушительно резюмировала:

– Гуляй, девчата! Сегодня наша ночь! Все мужики по нормам сидят, никто не вылезет! Вот это я называю равенством полов!

И девчата начали гулять, не сходя с крыши. Но поскольку дурачиться, играть в салочки и прыгать на одной ножке без риска столкнуть кого-нибудь вниз было затруднительно, гуляние началось с общения.

Только специально натренированный мужчина способен выдержать женское общение, заключающееся в умении слушать и говорить одновременно. И это если общаются всего лишь две подружки! Когда же три сотни ведьм одновременно рассказывают друг другу последние новости, делятся слухами о последних новостях и пересказывают обсуждение слухов о последних новостях... В общем, зря мужчины переживают, что их не берут на шабаши и прочие девичники.

До полуночного отрыва крыши оставалось чуть больше двадцати минут.

Тени над границей миров продолжали прибывать. Они за-

крыли собой все звезды на небе и теперь висели над щелью, нетерпеливо подрагивая и поглядывая на часы. До подслушанного в будущем события оставалось чуть меньше двадцати минут.

Снова столовая

Мужчины Первертса угрюмо пытались развеселиться. Быстро выяснилось, что веселиться на голодный желудок – довольно грустное занятие. Начали было играть в шахматы, но в самом дебюте испанской партии Харлей со страхом заявил, что ему придется съесть коня. После этой реплики болельщики начали смотреть на шахматную доску по-другому, упуская красоту и мудрость древней игры.

Все поползновения выколдовать себе хотя бы батлбродик разбивались о плотные магические защитные экраны вокруг столовой и кухни³⁸.

– Давайте устроим карнавал! – провозгласил Югорус Лужж, который из всех сил старался соответствовать роли массовика-затейника. – Оденемся во всякие костюмы. Вот у Харлея и маска уже есть, молодец! Будете африканским троллем.

– А? Троллем? Брр! Нет! Отличная же была идея – играть в города!

– Ризотто, – немедленно включился Гаргантюа. – Рост-биф. Рогалики. Рулетики. Рожки макаронные...

– Убью, – прорычал Развнедел. – И сожру.

³⁸ А вы полагали, что можно наколдовать еду прямо из воздуха? Только не вздумайте говорить это при Гаргантюа, который каждый месяц заказывает для своих погребов и закровов все более мощные магические экраны.

Но ограничился повторным подзатыльником Малхою.

– Никаких городов, – строго сказал Лужж. – Вальпургиев карнавал. Вот, например, наш дорогой Гаргантюа вполне может изображать гороховый стручок.

– Лучше колбасу, – сказал Развнедел.

– А вы, профессор, тоже приоденьтесь, – засуетился ректор. – Что это у вас в руках? Распределительный Колпак? Отлично! Наденьте его. Будете...

– Распределительным щитком, – подсказал Порри.

– Нет. Будете грибом.

– Маринованным, – решил Развнедел, нахлобучил на себя помятую гирей шляпу и притих.

– Очень симпатично, – одобрил Лужж. – Теперь вы, Уинстон.

Мордевольт нахмурился, продолжая покрывать каллиграфическими строчками страницы блокнота.

– Почему бы вам не нарядиться... скажем, призраком Мордевольта? Фиолетовая мантия, пронзительный взгляд, а в руках...

– А вот эти два фрукта будут пирогами! – хамски встрял в разговор Оливье Форест, указывая на Сена и Кряко.

– Почему пирогами? – сказал Сен, поправляя очки.

– Я вообще-то хотел Порри Гаттером одеться, – сказал Кряко и поправил очки.

– Потому что вы очкарики, – объяснил довольный Оли-

вье. – И у вас в Лозанне пироги с глазами³⁹.

Сен понял, что ситуация приближается к критической. Он попробовал вспомнить, что по этому поводу написано в умных книгах, но на ум приходила исключительно «Кулинарная энциклопедия» – книга столь же неуместная, как шутки Фореста.

Массовая фрустрация нарастала. Опытные психологи знают, что в таких случаях достаточно падения крохотного камешка, чтобы начался разрушительный камнепад.

И камешек упал. И не просто камешек – увесистый валун в лице профессора Развнедела, который вот уже пять минут сидел, напялив Распределительный Колпак и таращась в пространство тупее обычного.

– Братцы, – наконец сказал он. – У меня в голове кто-то говорит! Что это?

– Это? – отозвался Клинч. – Это мысль. Так у многих бывает. А чего говорит-то?

– Говорит: «А чего это я здесь сижу? Пойду-ка я на кухню, чего-нибудь поесть сварганю».

Присутствующие оцепенели.

– А это мысль! – воскликнул Харлей. – Профессор Лужж! Вы слышали, какая гениальная идея пришла в голову профессору Развнеделу?

³⁹ Совершенно глупый каламбур! Ни Кряко, ни Сен никогда не были в Лозанне, а если бы и были, при чем здесь очки? А пироги при чем? Короче, непонятно, почему наибольшим успехом пользуются самые тупые шутки.

– А? Что? – вздрогнул Югорус, который размышлял, как убедить Мордевольта устроить соревнования по стрельбе... например, из Трубы.

– Я говорю, у Развнедела в голове мысль завелась.

– Это ничего, – рассеянно сказал Лужж, – это пройдет.

Но благоприятный прогноз ректора не осуществился: декан Чертекака воздвигся и побрел к двери. Вслед за ним, как утята за мамой-уткой, потянулись другие маги. Глаза их наминали пустые тарелки.

«Хана! – пронеслось в голове Сена. – То есть кризис. Еще немного, и ситуация выйдет из-под контроля. Нужно сменить ориентиры!»

– Форест! – крикнул он. – А чем это у тебя из сумки так вкусно пахнет? Неужели пиццей с ветчиной и сыром?

Носы присутствующих, резко, как стрелки компасов на топор, развернулись в сторону Фореста.

– Мистер! – шепнул Сен Клинчу. – Надо нейтрализовать Развнедела!

Бывший майор окинул взглядом мощное туловище профессора, непроизвольно перекривился и тоже шепотом командовал:

– Аесли! Гаттер! За мной. Остальные на месте!

Остальные уже были на месте: окружали Оливье плотным голодным кольцом.

От Первертса отделились три точки и быстро направи-

лись в сторону Незамерзающего катка. При этом одна точка свесила хвост с другой, похожей на шкаф, а третья задумчиво раскачивала белыми горбами.

Тени наверху глухо заворчали. Самая лакомая добыча уходила из зоны первой атаки.

Кухня

Нагнать профессора, увеличивавшего скорость с каждым шагом, удалось только у кухни. Дверь в вотчину Гаргантюа была не просто заперта, она была Заперта, Забита, Законопачена, Замотана изолентой, Заклеена скотчем, Закрыта на зиму, Заколдована и Здана... простите... Сдана под охрану. Для верности вход заколотили мощными досками, выпиленными из Древа Познания, и приперли шваброй, выструганной из Древа Повторения.

Изо всех сил поспевая за Развнеделом, Сен прикидывал, каким образом тот проникнет на кухню: прибегнет к боевой магии, использует заклинание трансгрессии или в виде пара просочится под дверь. Но профессор Развнедел остался верен себе.

Он просто не остановился.

К этому зачарованная дверь не была готова.

– Здррасть... – успела сказать она перед тем, как разлететься в пыль.

Декан Чертекака скрылся в темных недрах кухни. Распределительный Колпак еле успел съежиться, чтобы не задеть о косяк.

– Кумулятивный, – прокомментировал Клинч, – то есть проникающего действия. Термин. Сам придумал. Аесли, ты сказал, что Развнедела нужно нейтрализовать? Теперь гово-

ри, как.

«Мое дело – стратегия!» – хотел возразить юный политтехнолог, но посмотрел на подобравшегося майора и прикусил язык: – Сейчас. Будем рассуждать логически...

– Подкрасться сзади! – припомнил Порри уроки Клинча. – И оглушить чем-нибудь тяжелым!

– Развнедела? – усомнился бывший спецназовец. – Оглушить? Такое тяжелое мы втроем не поднимем.

– ...рассуждать логически, – повторил Сен, стараясь не обращать внимания на ароматы, потекшие из пролома. – Чтобы нейтрализовать следствие, нужно локализовать причину.

– Чего? – спросил Клинч.

– Причину чего? – уточнил Порри, больше привыкший к образу мышления друга.

– Странного поведения профессора. Когда оно началось?

– Когда ему в голову пришла мысль.

– Правильно. А пришла она туда после того, как Развнедел надел Колпак...

– ...А надел он его потому, что Лужж предложил устроить маскарад, – подхватил Порри.

– Значит, это все проделки Лужжа! – закончил мысль Клинч. – Попался, голубчик! А еще ректор⁴⁰.

– Не увлекайтесь, – сказал Сен. – Лужжа интересует толь-

⁴⁰ Попался, голубчик! Это, наверное, должность так пагубно влияет на неокрепшую магическую психику. Прежний ректор тоже оказался прохвостом.

ко Мордевольт. Похоже, это проделки Колпака.

– Значит, Лужж в порядке? – обрадовался Мистер. – У-ф-ф⁴¹! А эту шляпу с дыркой, этот котелок без каши... Короче, попался, голубчик!

– Действуйте, майор, – подытожил Аесли.

И бывший спецназовец бросил тренированное тело вглубь кухни. На полпути он притормозил, вернулся и бросил вглубь кухни сначала нетренированные тела Сена и Порри, а уж затем свое, тренированное.

От аппетитного запаха у Сена выделилось столько слюны, что запотели очки. Пока он их протирал, короткая, но яростная схватка закончилась. Верный боевым традициям «Лямбды Скорпиона», Клинч скрытно приблизился к противнику, сорвал его с головы Развнедела и с криком: «Ну, тубетейка разношенная, всё, инвентаризация!» сунул под мышку.

– Как вам не стыдно! – сказал он, обращаясь к Развнеделу. – Вы же знаете, что сегодня мы должны сидеть и тихо веселиться в столовой!

– Уать аоеось! – ответил профессор.

– Или проглотите, – строго заметил майор, – или выплюньте!

Развнедел даже не стал рассматривать вторую возможность. Придав мощным челюстям ускорение, он перемолол содержимое рта и обеими руками зачерпнул новую порцию

⁴¹ Авторы приносят извинения за то, что на секунду усомнились в порядочности профессора Лужжа. Как мы могли так ошибаться? Прямо затмение какое-то!

из разорванного мешка, на котором сидел.

– Да погодите вы! – рассердился Клинч, шлепнул профессора по рукам, едва не выронил Колпак и нахлобучил его себе на голову. – Что вы всякую гадость в рот тащите?

– Вкусно, – пояснил профессор, – горох.

– Ну так не всухомятку же его есть! Сейчас я вас научу, как в походных условиях приготовить вкусную и сытную пищу за пять минут! Порри, тащи котелок с водой! Сен, найди каких-нибудь специй!

Порри бросился к шкафу с посудой. Сен собирался проанализировать приказ, но слова о вкусной и сытной пище наглухо заблокировали его аналитические центры.

Вскоре в столовой запахло еще вкуснее: на небольшом магическом костерке, который Клинч разжег с одного *Чирк-Пффф*, булькал котелок с гороховой кашей. Рядом важно стоял майор с большой деревянной ложкой, которой он не столько помешивал варево, сколько отгонял Развнедела.

– Еще пару минут, – заявил завхоз, – и все.

Однако «и все» началось гораздо раньше. Вода в котелке внезапно вспенилась и хлынула наружу. Сама посуда заходила ходуном⁴².

– Это горох играет, – неуверенно сказал Клинч.

– Чего это вдруг? – удивился Развнедел. – Я же его пока

⁴² Ходун (броуновский бегун) – бестолковое магическое существо, которое перемещается по миру быстро, но хаотически. Ходуны практически бессмертны. Наиболее известен Ходун Канмаклауд – стеснительный горный ходун, который все время хочет остаться один.

не съел!

Между тем горох доигрался до того, что котелок противно засипел и разлетелся на кусочки. Пораженные (то есть изумленные – осколки полетали немного по кухне, но никого не поразили) зрители увидели вместо каши плотную охапку зеленых гороховых побегов. Как всякие побеги, они рвались на волю. И делали это с пугающей быстротой.

Сен не успел прошептать про себя «Ой, мамочки, давайте рассуждать логически!», как заросли впились корнями в каменный пол кухни, а макушками уперлись в потолок.

– Что вы наделали! – раздался сзади вопль Гаргантюа. – Рубите их!

– Да мы ничего... – начал оправдываться Клинч, но его руки уже схватили тесак и принялись остервенело рубить толстые, как нервы налогового инспектора, ветви гороха. За долгие годы тренировок у майора выработалась очень полезная особенность: приказ рукам доставлялся непосредственно из ушей, без захода в мозги.

К сожалению, точные и мощные удары бывшего спецназовца не улучшили ситуацию. Гипергорох реагировал на атаки по методу Лернейской гидры: место срубленного побега тут же занимали два новых. Секундой позже к борьбе с зеленой стихией присоединились Порри, который с криком *Огнемет-бы-сюда!* поджег часть ветвей (а также меню на завтра), и Гаргантюа, вопящий иссушающие заклинания *Каракумус, Кызылкумус и Понедельник-утрос*, многократно уси-

ленные влиянием Вальпургиевой ночи.

В ответ горох слегка поднатужился, как померещилось Сену, резко выдохнул – и проломил потолок кухни.

Крыша

Крыша под ногами ведьм дрожала мелко и ритмично. Сначала казалось, что причина дрожания – нетерпеливое пошаркивание, подпрыгивание и притопывание колдуний, но постепенно вибрация становилась все более ощутимой. То там, то тут крыша изгибалась, добавляя веселья в толпу и без того взбудораженных ведьм. Мергиона устроила скачки с изгиба на изгиб, но вскоре вся поверхность пошла крупной рябью, и хохочущим студенткам пришлось держаться за руки, чтобы не слететь вниз.

– Приготовились! – подняла руку МакКанарейкл. – Сейчас рванет!

И в тот же миг рвануло. Но совсем не то и не туда. И приготовиться никто не успел.

Что-то зеленое с грохотом пробило крышу Первертса и устремилось в ночное небо.

Грохот расколотой крыши докатился до границы миров, где слился с эхом будущего. Тени заверещали, запрыгали и кинулись выстраиваться в очередь.

Кухня

– Все, – сказал майор, останавливаясь и вытирая боевой пот, – вырвался на оперативный простор. И чего это его так поперло? Может, пересолил?

– Чего поперло?! – выкрикнул шеф-повар. – Вы что, читать не умеете?

Клинч звонко хлопнул себя по лбу. Гаттер вздрогнул. В прошлый раз именно невнимательность к предупреждающим надписям привела к первому разрушению Каменного Философа.

Сен поднял опустошенный мешок и прочел:

– «Волшебные бобы. Использовать *только* по одному. Хранить в сухом, темном и прохладном... нет, в *очень* сухом, *очень* темном и *очень* прохладном месте. В пищу не употреблять».

– Ой, – икнул Развнедел, – а я употребил.

Крыша

– Это еще что за хрень? – дрожащим голосом произнесла мадам Камфри, тыкая нетвердой рукой в зеленый стебель.

– Это не хрень⁴³, – ответила побледневшая Фора Туна, – это Волшебный Боб. И если я правильно вижу будущее, из-за него мы сегодня останемся на бобах.

Главные часы Первертса развернулись и ударили первый полуночный раз. Крыша напряглась, выгнулась, рванулась ввысь... и осталась на месте, удерживаемая стеблем Волшебного Боба. Три сотни ведьм в ужасе закрыли лица шестью сотнями рук.

– Ну же, крышенька! – прозвенел в ночи голос Мергионы, и крыша снова дернулась.

И снова безрезультатно. Боб с каждой секундой становился все толще, а его мощные побеги быстро расползались, опутывая взлетную площадку.

– Живее давай! – МакКанарейкл топнула ногой по черепице, но та лишь слабо дернулась в ответ. – Нам нужно взлететь до окончания двенадцатого удара!

Часы ударили одиннадцатый раз и затаились. Крыша продолжала яростные и безуспешные попытки вырваться на волю.

⁴³ Хрень – гибрид хрена обыкновенного и редьки несладкой. Используется ведьмами для приготовления всякой хрени.

– Ну? – просипели часы. – Вы скоро? Я и так держусь из последних сил!

– А ну, девчата! – заорала МакКанарейкл. – Бей его!

Сотни разноцветных лучей впились в Волшебный Боб, выжигая, корежа, размалывая в зеленую кашу. Зловредное растение изогнулось, местами почернело, но не выпустило добычу из своих зеленых лап.

– Все, – выдохнули часы. – Больше не могу. Бам-м-м!

Крыша совершила последнюю героическую попытку взлететь, затрещала, кое-где даже треснула – и обессиленно шмякнулась на место.

Повисла тяжелая тишина⁴⁴.

– Мадам, – робко обратилась к своему декану Амели. – Может, мы доберемся своим ходом? На метлах?

– Во-первых, мадемуазель! А во-вторых, на метлах до шабашей смогут добраться только преподавательницы. А вы?

– А мы... мы здесь подождем, – прошептала девочка, и тихая слезинка соскользнула с ее щеки.

Сотни вздохов поддержали Амели, и сотни тихих слезинок упали на черепицу. Вскоре стало казаться, что по крыше забарабанил частый весенний дождик.

Старшие ведьмы заскрипели зубами. Если бы не высокий статус преподавательниц Школы волшебства, они бы вгрызлись этими зубами в собственные метлы. Бросить учениц, а

⁴⁴ Впоследствии очевидцы оценивали тяжесть тишины примерно в 15–20 тонн или тысячу пудов. Или 3–4 сытых слона.

самим отправиться веселиться... проще пнуть больного котенка.

– Форочка, – проскрипела Камфри, глядя на ненавистные побеги, – а как называются эти штуки у волшебных бобов?

– Так же, как и у обычных, – скрипнула в ответ прорицательница, – усы.

– Усы?! Все понятно, это происки мужиков! – завопила главврач.

Над крышей пронесся устрашающий вой. Сотни слезинок вскипели и с шипением испарились.

– Это они из зависти! – кричали одни.

– И из эгоизма! – добавляли другие.

– И потому что жрать хотят все время! – нелогично, но яростно утверждали третьи.

Глаза мисс Сю загорелись оранжевым.

– Пора нам проведать наших... защитничков, – прошипела она и зашагала в сторону чердачного окна.

– Правильно! – поддержала ее толпа. – Они у нас попрыгают! А еще побегают и поприседают! Они у нас попляшут! Ох, мы им всыплем!

– И разговаривать с ними не будем! – довершила Фора Туна.

– А чего с ними разговаривать? – поддержала ее мадам Камфри, прикладываясь к походному флакону. – Придущим, и всех делов!

Буйно разодетая и ярко накрашенная процессия дви-

нулась за деканом Орлодерра. Ведьмы, у которых отняли праздник, вполне могут устроить его своими силами. Правда, праздником это мероприятие будет не для всех.

Если бы уходящая последней мадам Камфри оглянулась, она бы с удивлением обнаружила, что Мергиона Пейджер никуда не пошла.

Кухня. Вернее то, во что она превратилась

Кухня Первертса превратилась в кошмарный сон сумасшедшего ботаника. Зеленые заросли покрывали шкафы, столы и котлы густым шевелящимся ковром. Толстый, как у баобаба, ствол время от времени потрескивал и увеличивался в диаметре.

Кто-то хихикнул. Сен посмотрел на участников кухонной экспедиции и закричал:

– Майор! Вы что, надели Колпак?!

Клинч заревел, отработанным движением хлопнул себя по лбу, сбил Распределительный Колпак, подхватил его на лету и вывернул наизнанку. Колпак что-то жалобно пробубнил в себя и замолк.

– Я пропал, – горестно икнул Развнедел. – Сейчас из меня начнет расти Волшебный Боб, и я разлечусь на кусочки. На сотню маленьких развнедельчиков. Кто-нибудь, возьмите перо и бумагу, я продиктую последнюю волю.

Если бы кто-нибудь действительно начал записывать завещание декана Чертекака, он бы зафиксировал очень редкую последнюю волю:

– Эй! Ой! Вы-вы-вы чего! Не-не-не трясите! Я-я-я же полный!

– Моя кухня! – орал Гаргантюа, ухвативший Развнедела

за лацканы двубортного халата и по мере сил сотрясавший профессора. – Мои тарелочки! Мои кастрюльки! Мои бобы!

Объединенными усилиями Гаттеру и Клинчу удалось оттащить разъяренного шеф-повара от собравшегося помереть декана. После встряски настроение Развнедела стало менее траурным, а когда Гаргантюа, плюясь и фыркая, сообщил, что пропал не Развнедел, а ценнейшие волшебные бобы, которые после попадания в железобетонный желудок профессора стали ни на что не годны, декан заметно повеселел. Он похлопал себя по животу и начал усиленно косить: одним глазом – на Гаргантюа, другим – на что бы еще сожрать.

– Разве волшебные бобы существуют? – спросил Порри. – Я думал, они только в мудловских сказках бывают.

– Да, странно, – сказал Сен. – В школьном курсе чудной ботаники ничего такого нет.

Развнедел утвердительно икнул.

– Ну шас вам в школьном курсе будут наступательные огородные культуры, – Клинч закрыл глаза и, постукивая себя по лбу согнутым указательным пальцем, принялся копать в памяти. – «Инструкция по выживанию на дне высохшего колодца»? Не то. «Методы пассивного запирания при интенсивном допросе»? Тоже нет. Ага! «Наставление по осадному делу». Часть 4 «Биологическое оружие». Параграф 16 «Штурм укрепленных укреплений».

Майор, не открывая глаз, принялся декламировать:

– «Волшебный Боб (ВБ) является вспомогательным сред-

ством для преодоления крепостных стен высотой 5, 7, 9 и более метров. Порядок применения»... Ну, вы уже видели. «Тактико-технические характеристики: крейсерская скорость роста – полтора метра в секунду»... Кстати, когда мы штурмовали Вавилонскую башню...

– Как с ним бороться?

– «ВБ устойчив к любому холодному и огнестрельному оружию, включая каменный топор, меч, бердыш, мушкет»... короче говоря, до глубинной бомбы включительно. Греческий огонь или, скажем, иприт его тоже не берет.

– А колдовство?

– Только тактические боевые заклятия не ниже восьмого уровня.

– Так, может, применим?

– Кто применит? – Клинч глянул на безостановочно икающего Развнедела. – И вообще, боевое заклятие восьмого уровня применялось в истории всего один раз – при бомбардировке Атлантиды.

– Интересно, – сказал Порри, – откуда у Гаргантюа на кухне оружие массового прорастания?

– В нагрузку дали, – прошептал шеф-повар. – Как оптовому покупателю.

– Понятно, – сказал Сен. – То есть это растение практически неуязвимо.

– Неуязвимо, – подтвердил бывший спецназовец. – Язви его в душу. Хотя есть два слабых места, но они, как прави-

ло, недоступны для противника. Одно – макушка, второе – точка между корнем и основанием стебля.

Сен посмотрел на основание стебля, к которому прислонился Развнедел, потом на Клинка, потом снова на основание.

– Я идиот, – севшим голосом сказал майор. – Но еще не поздно! Руби его, сынки!

Клинка с Гаттером, схватив какие-то тесаки, принялись прорубаться к основанию. Через три секунды к ним присоединился Гаргантюа с ножом для резки хлеба, а спустя всего четыре минуты – Развнедел, которого заинтересовало, что это такое народ делает за его спиной.

Сен Аесли остался на месте, размышляя, каким наиболее эффективным способом следует рубить стебель, чтобы было быстро и не утомительно.

В небе над Первертсом Волшебный Боб достиг двойной крейсерской скорости. Бодро ввинчиваясь в ночной воздух, он неумолимо приближался к границе между мирами. Исходящее из двери нетерпение теней можно было уже различить невооруженным глазом. А вооруженным глазом – даже попробовать по нему пострелять.

Еще раз коридор

Прекрасная половина человечества в гневе ужасна.

Представьте себе девушку, которая собралась на дискотеку, и вдруг оказалось, что любимая серебристая блузка в стирке, в доме – ни одной пары целых чулок, приятель Артур, на которого изведено пятнадцать килограммов несмываемой туши, уехал в гости к этой крашеной дуре, замок в двери заело намертво, а весы показывают лишних триста грамм. Представили?

А теперь представьте себе, что, по мнению девушки, во всем виноваты лично вы, умножьте это на 323 и постарайтесь незаметно отойти в сторонку. Или, плюнув на незаметность, с громким криком отбежать очень далеко.

Потому что существует не так много явлений столь же смертоносных, как 323 ведьмы в возрасте от 12 до 1762 лет, которые узнали, что ночной шабаш отменяется, и теперь горят... нет, пылают желанием выяснить, кто в этом всем виноват!

– Вижу! – безостановочно вопила Фора Туна. – Ой, вижу чье-то печальное будущее!

Колдуньи преклонного (но неугомонного) возраста злое ще перекрикивались, упоминая какой-то «Молоток ведьм», и многообещающе разминали плечевой пояс. Девчонки – те, кто бывал на шабашах – размахивали волшебными палочка-

ми и вымещали обиду на пристенных фикусах, за которыми прятались пристенные рыцари. Первокурсницы, глядя на старших подруг, осознавали, чего лишились, и присоединялись к погрому.

Но страшнее всех была мисс Сьюзан.

Она шла впереди и улыбалась.

По пути ей попался бродячий дух Ричарда III – и это стало единственным случаем в истории, когда привидение скончалось от страха. Даже Каменный Философ, который хотел встретить процессию ведьм словами: «Я же говорил, что все пустое», впервые за многие годы дал четкую и однозначную информацию:

– Они в столовой.

– Спасибо, я знаю, – пропела МакКанарейкл.

Каменный Философ покрылся изморозью.

Крыша

Мерги перевела взгляд с удалявшейся в небеса зеленой колонны на опустевшую крышу и хмыкнула. Избиение младенцев... то есть мужиков, ее не интересовало.

А вот Дубль Дуб с Кисером на загровке ее очень интересовал. Какая-то связь между появлением в школе волшебного кота и вырастанием из школы Волшебного Боба имелась. Доказательств причастности Кисера к этому злодейству у Мерги не было, но девочка доверяла интуиции, которая ее ни разу не подводила. Ну, ладно, пару раз подводила, но это ведь не нарочно, правда?

Мергиона вытащила из рюкзака армейский бинокль, подарок Брэда Пейджера и, переступая побеги и разломы, подошла к краю крыши.

– Ага, – сказала она через минуту.

Салатовая комната

А что это мы здесь делаем? Здесь же нет никого.
Совсем запутались! Нам же нужна...

...Кухня

Когда бобосеки⁴⁵ изрядно притомились, Сен составил правильный план рубки стебля.

– Вы все делаете не так, – сказал он. – Будьте любезны, остановитесь. И Гаргантюа тоже остановите. Ничего-ничего, поддержите его пока за руки. Вы лупите сильно, но, извините, бестолково. И друг другу мешаете. Значит так: Порри, найди в столовой самый большой топор. А вы, профессор, поищите что-нибудь тяжелое и тупое.

Развнедел продемонстрировал кулак.

– Пойдет, – решил Сен. – Гаттер! Что там у тебя?

– Топор для разделки мяса! – отозвался Порри. – Только я его в одиночку не утащу.

– Майор, – сказал Сен, – отпустите, пожалуйста, повара и помогите Гаттеру. Мсье Гаргантюа! У вас молоко убежало!

Начальник столовой охнул, прекратил ожесточенно рубить и повел длинным французским носом.

– Спасибо. Теперь вы двое направьте топор острием в уязвимое место стебля. Профессор! Могу я попросить вас постучать... э-э-э... выбранным вами тяжелым предметом по обуху топора?

– Да, – мотнул головой Развнедел. – Ик. Проси.

– Постучите, пожалуйста.

⁴⁵ Дровосеки, которые рубят бобы.

Декан Чертекака размахнулся, оглушительно икнул и одним ударом вогнал острие топора в Боб.

Столовая

Если бы Югорус Лужж не был так занят мыслями о Трубе Мордевольта, он бы давно сообразил, что назревающий бунт мужской части Первертса – это цветочки по сравнению с теми ягодками, фруктиками, баклажанчиками, арбузиками и кокосиками, которые вот-вот обрушатся на Школу волшебства.

Как могучий маг он должен был давно – по крайней мере, не позже Кисера – уловить угрожающее эхо будущего.

Как опытный маг он без труда услышал бы несанкционированное прорастание Волшебного Боба, не говоря уж о проломе крыши и обломе ее полета.

Как просто какой-нибудь маг он не мог не заметить мощного астрального возмущения, звенящими волнами расходящегося от оравы подходящих к столовой ведьм.

И наконец, как никакой не маг, а руководитель трудового коллектива, он был обязан смекнуть, что исчезновение компании, состоящей из Развнедела, Клинка, Гаттера и Аесли, непременно приведет к катастрофической порче школьного имущества.

Ничего этого Югорус не сделал. Всякий раз, когда он на секунду отвлекался от трубной темы, его сразу же отвлекала проблема спасения мальчишника.

Вот и сейчас, растерзав пустую сумку Оливье Фореста (и

даже кое-где покусав ее), голодные маги и не подумали вернуться к замечательной затее устроить карнавал натошак. Похоже, их гораздо больше привлекала идея поколотить ректора длинными школьными скамьями.

Но глава Первертса их опередил.

– А не устроить ли нам танцы?

Маги опешили.

– Танцы? – переспросил Мордевольт. – Без дам?

– Конечно! У нас будут настоящие мальчишниковые танцы!

Ректор махнул рукой и в центре зала появился обшарпанный волшебный патефон⁴⁶.

– Есть такой одиночный мужской танец, – сказал Лужж. – Гопачок, кажется.

И изобразил гопачок.

– Левой ногой – так, правой – так, левой – так, так и, кажется, вот так, руками – туда-сюда, а потом обеими ногами так, так и так!

Хотел Югорус этого или нет, но своей цели он добился.

Люди, приведенные в состояние предельного изумления, бунтовать не способны.

Крак!

⁴⁶ Вы заметили? И Лужж, и МакКанарейкл игнорируют приказ по школе не колдовать в Вальпургиеву ночь. Вот так начальство везде поступает – запрещает, к примеру, гонять в Quake в рабочее время, а само запирается в кабинете и... эх, да что там говорить!

Волшебный Боб, не замедляя хода, распахнул дверь между мирами и, разметав тени, устремился к звездам. Какое-то время было тихо. Потом тени подобрались к Бобу. Пошумукались. Расступились, пропуская большой комок искрящегося тумана.

Туман дополз до растения и вдруг очень быстро растекся по стволу.

Боб вздрогнул и застыл.

Кухня, на которой никак не наведут порядок

– Отлично! – Сен качнул по-прежнему безупречно причесанной головой. – Продолжайте, профессор.

Развнедел с удовольствием взмахнул кулаком еще несколько раз. С каждым взмахом топор погружался в стельку все глубже. Он почти достиг центра ствола, когда произошло что-то странное: Боб вздрогнул и окутался сверкающим туманом. Когда дымка рассеялась, Сен увидел, что стелька немного потемнел и стал блестящим, как будто его облили стеклом. Нехорошее предчувствие заставило мальчика прикрикнуть на преподавателя:

– Живее! Стучите, профессор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.